

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЕГО ОТ IV ДО IX ВѢКА.

(Очень ограниченныя требованія церковныхъ и гражданскихъ законовъ по отношенію образованности духовенства,—мысли замѣчательнѣйшихъ огцевъ церкви о необходимости многосторонняго образованія пастырей церкви—отношеніе церкви къ школамъ.—Школы на Востокѣ: Александрійская, — Антиохійская, — Едесско-низвѣйская, — школы при монастыряхъ.—Школы на Западѣ: ревность отдѣльныхъ епископовъ о просвѣщеніи клира,—такъ назыв. Августиновскія школы, — школы при монастыряхъ: замѣчательнѣйшая изъ нихъ — Аврелія Кассіодора. — Результаты.—Риторскія школы: указаніе на пастырей церкви, получившихъ въ нихъ образованіе,—большое вниманіе просвѣщеннѣйшихъ святителей къ нимъ;—свѣдѣнія объ этихъ школахъ,—предметы и методъ преподаванія въ нихъ,—бытъ учениковъ и учителей (риторовъ);—благопріятные и неблагопріятные отзывы о нихъ великихъ пастырей церкви, слѣды вліянія риторскихъ школъ въ церковной литературѣ.—Интеллектуальное состояніе восточнаго и западнаго духовенства во IV, V и въ послѣдующихъ вѣкахъ (примѣры и свидѣтельства);—причины невысокаго положенія образованности въ духовенствѣ и причины общаго упадка ея въ этомъ же сословіи во второй половинѣ изучаемаго періода).

Какими правилами руководилась церковь по отношенію къ образованности лицъ, поставляемыхъ въ духовныя должности отъ IV до IX вѣка, объ этомъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало. Какъ кажется на этотъ счетъ не было выработано строго-опредѣленныхъ правилъ. Требованія, которыя предъявлялись по отношенію къ кандидатамъ на священство, были очень невысоки. Довольствовались тѣмъ, чтобы будущій пастырь былъ грамотенъ, чистъ въ вѣрѣ, могъ съ толкомъ читать свящ. книги и зналъ наизусть важнѣйшія молитвословія. Требованія—слишкомъ общія. Такъ соборъ Карфагенскій 397 года требуетъ отъ поставляемаго

въ епископы, чтобы онъ былъ испытанъ, проэкзаменованъ; здѣсь указаны опредѣленные вопросы, какіе надлежало предлагать ищущему епископства. Испытаніе происходило предъ посвященіемъ. Въ правилахъ указаннаго собора (1 и 2) говорится: „если хотять кого посвятить въ епископы, то должно испытать его насколько онъ разуменъ, достаточно ли онъ грамотенъ (*litteratus*), способенъ ли къ учительству (*docibilis*), насколько онъ свѣдушъ въ законѣ Божіемъ, правильно-ли понимаетъ догматы вѣры“. Затѣмъ въ правилахъ слѣдуетъ довольно широкой списокъ догматическихъ матерій, относительно которыхъ онъ долженъ былъ спрошенъ. Но изъ этого списка открывається, что имѣлось въ виду узнать не степень и объемъ богословскаго вѣдѣнія, а лишь то—не держится ли онъ какого-либо заблужденія, не держится ли онъ манихейской, пелагіанской ереси и новаціанскихъ заблужденій. А о клирикахъ въ разсматриваемыхъ правилахъ говорится только, что „ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть посвященъ безъ предварительнаго испытанія епископомъ“ (пр. 22) ¹⁾. Мы должны помнить, что здѣсь, въ этихъ правилахъ рѣчь идетъ лишь о духовенствѣ латинской церкви, да и то далеко не всей. Не больше требуется отъ кандидата на священство и правилами вселенскихъ соборовъ. Во второмъ правилѣ VII вселенскаго собора говорится: „кто посвящается въ епископы, тотъ долженъ въ совершенствѣ (т. е. наизусть) знать Псалтирь, чтобы онъ могъ увѣщевать подчиненныхъ ему клириковъ (?); также должно испытать его: умѣть ли онъ съ разсужденіемъ, а не бѣгло (т. е. только зрѣніемъ) лишь читать свящ. правила, Евангеліе, Апостоль и все свящ. Писаніе и учить порученный ему народъ“. Последнее требованіе впрочемъ не нужно понимать въ широкомъ смыслѣ: выражалось желаніе, чтобы онъ по крайней мѣрѣ умѣлъ объяснять главнѣйшія истины вѣры, слѣдуя выраженному ученію св. отцовъ (слич. Трульск. соб. прав. 19). — Гражданское законодательство по дѣламъ церкви, именно Юстиніаново, съ своей стороны опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять испытаніе

¹⁾ *Statuta ecclesiae antiquae*, § 145. Hefele. *Conciliengeschichte*. B. II, S. 69. Freiburg im Br. 1875. Binterim. *Denkwürdigkeiten der Christ-katholischen Kirche*. B. I, Theil 2, S. 224—226.

лица, которое готовится къ посвященію во епископы. Требования—опять очень ограниченныя. Избираемый обязывается изустно изложить истины православной вѣры. Затѣмъ онъ **наизустъ** же долженъ произнести слова, читаемыя при совершеніи евхаристіи, крещенія и другихъ таинствъ. Отъ епископа требовалась извѣстная степень образованія ¹⁾: во епископы не могъ быть посвященъ челоувѣкъ неученый, но подъ ученостію разумѣлась простая грамотность ²⁾. Законы Юстиніана требуютъ также отъ епископа знакомства съ церковными правилами, чего требовали тоже и соборы ³⁾. Но подъ такимъ знакомствомъ съ правилами конечно разумѣлось не научное знаніе, не законовѣдѣніе, а простое знаніе необходимыхъ практическихъ постановленій церковныхъ. Позднѣйшіе западные соборы (наприм. VIII в.) повидимому узаконяють требованія, подобныя тѣмъ, которыя выражены въ законодательствѣ Юстиніановомъ,—требуютъ знанія главнѣйшихъ молитвословій, знакомства съ обрядовой стороною таинствъ, умѣть разяснить ихъ смыслъ и т. п. ⁴⁾; но все это не имѣетъ большаго значенія.

Церковь не была притязательна по части образованности лицъ, поставляемыхъ въ духовныя чины и вообще обходила этотъ вопросъ. Но то, чего не было выражено церковнымъ законодательствомъ, а также гражданскими законами, регулировавшими жизнь церкви, очень достаточно было раскрыто и разяснено знаменитыми отцами церкви того времени, въ видѣ частныхъ мнѣній какъ *ria desideria*,—въ особенности Іоанномъ Златоустомъ въ его извѣстныхъ „Словахъ о священствѣ“ ⁵⁾.

1) Novella 123, cap. 12.

2) Въ законѣ запрещается рукопологать кого-либо, *ei nisi ueracitate iussit*.

3) Novella 6, cap. 1. Novella 137, cap. 2. Кареев. соб. пр. 25.

4) Hefele. Conciliengesch. B. III, 563. Freiburg, 1877.

5) Обыкновенно думаютъ, что въ этомъ сочиненіи Златоустъ рисуетъ идеаль пресвитера (священника въ точномъ смыслѣ слова) и его положеніе въ церкви. Но нашъ извѣстный канонистъ проф. Н. С. Суворовъ, на достаточныхъ основаніяхъ держится совсѣмъ иного взгляда. Онъ говоритъ: „въ сочиненіи, написанномъ по поводу предстоявшаго ему посвященія *въ епископы* (курсивъ не нашъ), Златоустъ согласно общему древне-церковному словупотребленію подъ священниками понимаетъ только *епископовъ*. Хотя нѣкоторыя функціи, усвояемыя Златоустомъ свя-

Эти отцы поставляютъ многія и значительныя требованія по отношенію образованности пастыря. Златоустъ прямо заявляетъ, что никакая жизнь, какъ-бы она ни была высока, не есть достаточное условіе для поставленія въ пастыри церкви. Основательное знаніе догматовъ вѣры — вотъ что нужно со стороны пастыря, кромѣ высоконравственной жизни ¹⁾. Съ этимъ знаніемъ, по Златоусту, необходимо должно соединяться искусство краснорѣчія у пастыря, потому что пастырь въ словѣ, словомъ и чрезъ слово совершаетъ свое служеніе. Златоустъ разсуждаетъ: „врачи тѣлесныя изобрѣтаютъ и употребляютъ извѣстнаго рода лекарства, различные снаряды, они предписываютъ различнаго рода діету для больныхъ. Для души же, съ которою имѣетъ дѣло пастырь, ничего подобнаго нельзя придумать. Но остается для нея одно средство, одинъ способъ леченія — ученіе *словомъ*. Это вмѣсто лекарства, это вмѣсто огня и вмѣсто желѣза. Настоитъ ли надобность отсѣкать или прижигать—необходимо должно прибѣгать къ слову. Если оно нисколько ни подѣйствуетъ, то все прочее остается недѣйствительнымъ. Если бы кто, какой пастырь, имѣлъ бы мечъ духовный и щитъ вѣры такіе, что могъ бы производить чудеса, тотъ не имѣлъ бы надобности въ помощи слова, или лучше оно и тогда не бесполезно, даже весьма необходимо. Ибо и Ап. Павелъ дѣйствовалъ словомъ, хотя повсюду прославляемъ быть за чудеса. И всѣ апостолы ни по какой иной причинѣ препоручили Стефану и его сотрудникамъ попеченіе о вдовицахъ, а именно потому, чтобы сами могли безпрепятственно заниматься *служеніемъ слова*“ (Дѣян. 6, 4). Итакъ, замѣчаетъ Златоустъ, священникъ (епископъ) обязанъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы пріобрѣсти силу слова ²⁾. Въ особенности, по Златоусту, пастырю нужно быть очень искуснымъ

щеннику, и въ то время были общими для епископа и пресвитера, но даже говоря объ общихъ епископу и пресвитеру функціяхъ, Златоустъ (въ „словахъ о священствѣ“) всегда имѣетъ въ виду епископовъ и нигдѣ не говоритъ о пресвитерахъ“. См. его сочиненія: „къ вопросу о тайной исповѣди“, стр. 42—43. Яросл., 1886; „Вопросъ о номокаанѣ Іоанна Постника“, стр. 50—51. Ярославль, 1898.

¹⁾ Слова о священствѣ, сл. IV, гл. 9. Творенія св. Іоанна Златоуста (изд. Петерб. академіи). Т. I, кн. 2-ая, стр. 452. Спб., 1895.

²⁾ О священствѣ, IV, гл. 3, стр. 444—445; гл. 5, стр. 448.

въ краснорѣчїи въ томъ случаѣ, когда ему приходится поучать съ церковной кафедры людей съ изысканнымъ вкусомъ, людей ищущихъ глубины и новизны въ раскрытіи предмета. Златоустъ замѣчаетъ, что образованное общество было очень взыскательно въ отношеніи къ проповѣднику; онъ пишетъ: „если бы случилось кому-либо изъ проповѣдниковъ прибавить къ своему слову небольшую часть изъ чужихъ трудовъ, то онъ большимъ подвергается укоризнамъ, нежели похитители чужаго имѣнія. Да что говорю я о чужихъ трудахъ? Проповѣдникъ не можетъ пользоваться часто даже тѣми мыслями, какія изложены ранѣе имъ самимъ, и потому искусство слова у насъ становится гораздо болѣе необходимымъ, нежели у софистовъ ¹⁾“. Златоустъ даетъ совѣтъ, чтобы пастырь и самый искусный въ краснорѣчїи ни на минуту не оставлялъ своей способности безъ усовершенствованія. Вотъ его совѣтъ: „кто обладаетъ великою силою слова, даже и тотъ не освобождается отъ непрестанной заботливости объ усовершеніи. Такъ какъ сила слова не природою дается, но приобретається образованіемъ, то хотя бы кто довелъ ее до высшей степени совершенства, и тогда онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ и прилежнымъ занятіемъ не будетъ развивать этой силы“ ²⁾.

Нѣкоторыя лица изъ духовенства во времена Златоуста говорили: къ чему приобретать даръ краснорѣчїя, когда самъ Ап. Павелъ называетъ себя *невѣждою*, и притомъ объ этомъ пишетъ къ коринѣянамъ, которые славились и хвалились краснорѣчіемъ? Златоустъ со всею энергіею опровергаетъ тѣхъ, кто вслѣдствіе такого основанія охлаждали въ себѣ ревность къ приобретенію церковно-ораторской способности. Онъ находитъ, что подобныя лица вовсе не понимаютъ Апостола, „они хвалятъ такое невѣжество, отъ котораго Павелъ столько былъ далекъ, сколько не былъ далекъ никакой другой человѣкъ, живущій подъ небесами“. Апостоль, какъ никакой другой человѣкъ, разъясняетъ Златоустъ, умѣлъ защищать истинное ученіе *словомъ*, значить не былъ невѣждой; онъ былъ невѣждою только въ отноше-

¹⁾ Слово V; гл. 1, стр. 453.

²⁾ Сл. V, гл. 5, стр. 455.

ни къ изысканной и утонченной витіетоватости языческихъ писателей. А что Апостоль силенъ былъ въ словѣ, на это приводитъ Златоустъ многія указательства, въ укоръ возражавшимъ. „Скажи мнѣ, пишетъ Златоустъ, какимъ образомъ онъ переспорилъ іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ? Какимъ образомъ взялъ верхъ надъ еллинистами? Не потому ли что сильно побѣждалъ словомъ? И никто не можетъ сказать, что ему удивлялся народъ, по молвѣ объ его чудесахъ, нѣтъ въ это время онъ еще не начиналъ творить чудесъ: онъ побѣждалъ единственно словомъ своимъ. Членъ Ареопага, житель суетвѣрнѣйшаго города, не за одно-ли проповѣданіе Павла сдѣлался его послѣдователемъ? А что было въ Солунѣ, Коринѣ, въ Ефесѣ и самомъ Римѣ? Не цѣлые ли дни и ночи сряду были проводимы имъ въ истолкованіи Писаній? Что еще сказать о состязаніи съ эпикуреицами и стоиками (Дѣян. 17, 18)? И такъ очевидно, что если и прежде чудесъ и при чудесахъ Павелъ расточалъ обильно слово свое, то неужели осмѣлимся называть невѣждою того, кто бесѣдою и проповѣдію своею приобрѣлъ себѣ великую славу. Почему ликаонцы приняли его за Меркурія? Что Павла и Варнаву сочли за боговъ, причиною этому чудеса, но что Павла приняли именно за Меркурія, причиною этому не чудеса, а слово“ (Дѣян. 14, 12). Златоустъ далѣе спрашиваетъ: „почему во всей вселенной имя Павла наиболѣе обращается въ устахъ всѣхъ? И отвѣчаетъ: не за превосходство ли его посланій, которыми онъ приносилъ пользу вѣрнымъ не только въ то время жившимъ, но и приносить ее существовавшимъ съ того времени до нынѣшняго дня и имѣющимъ послѣ существовать?“ Св. отецъ энергически пишетъ: „многіе (изъ пастырей) и погибли и сдѣлались менѣе ревностными къ истинному ученію“, вслѣдствіе того, что вообразили будто Павелъ хвалился дѣйствительнымъ невѣжествомъ, и рѣшили быть невѣждами. Послѣ этихъ разсужденій Златоустъ спрашиваетъ у этихъ дѣйствительныхъ невѣждъ въ духовенствѣ: „какимъ образомъ кто-либо, оставаясь невѣждою, будетъ обличать противниковъ вѣры и заградить имъ уста? Да и какая нужда заниматься чтеніемъ и литературой, если потребно лишь невѣжество? Все это,— что говорили невѣжды въ духовенствѣ въ свое оправданіе,— все это, замѣчаетъ Златоустъ, только одинъ вымыселъ, пред-

логъ, пустое извиненіе лѣности“ ¹⁾ со стороны ихъ. Отсюда видно, какъ многого требовалъ Златоустъ отъ пастыря по части образованія.—Другой великій святитель того времени Григорій Богословъ также рѣшительно требовалъ многосторонняго образованія со стороны пастыря. Григорій находитъ, что пастырю весьма прилично знать философію, какъ и другія человѣческія науки, не говоря уже о наукахъ богословскихъ. Григорій, наприм., пишетъ: „предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ и простымъ и сколько можно болѣе многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, будучи по способностямъ младенцы, требуютъ самыхъ простыхъ первоначальныхъ уроковъ, а другіе имѣютъ нужду въ премудрости, желаемой совершенными“ (1 Кор. 2, 6) ²⁾. Въ частности богословъ долженъ имѣть отчетливое понятіе: о мірѣ, о матеріи, душѣ, разумныхъ существахъ и проч. ³⁾. Подобно Златоусту, Григорій Богословъ сильно боролся противъ предразсудка, который, кажется, былъ очень силенъ между духовенствомъ, именно, что будто нѣтъ надобности въ учености для пастыря, когда сами апостолы, не отличаясь ученостію, однакожъ силою духа побѣдили міръ. Въ опроверженіе этого предразсудка Григорій замѣчалъ: апостолы находились подъ особеннымъ дѣйствіемъ благодати, а пастыри церкви дѣйствуютъ среди обыкновенныхъ условій и обыкновенными способами, а потому должны обладать образованіемъ, какъ наилучшимъ средствомъ дѣйствовать на паству ⁴⁾. Григорій въ похвальномъ словѣ Василию Великому прямо объявляетъ, что подобнаго мнѣнія держатся лишь невѣжды, желающіе оправдать свое невѣжество. Онъ говоритъ: „не должно унижать образованіе, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые, напротивъ надобно признать глупыми и невѣжественными тѣхъ, кто держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатокъ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ Ст. IV, гл. 6—8. стр. 448—451.

²⁾ Твор. Григ. Богосл. въ русск. пер. Томъ I. Слово 3, стр. 43—44. М. 1843.

³⁾ Тамъ же, стр. 37.

⁴⁾ Ullmann. Gregorius von Nazianz, der Theologe. 361. Gotha, 1866.

⁵⁾ Григорія Бог. Томъ IV, стр. 64. Рус. пер.

Такимъ рисовался идеаль пастыря въ умахъ лучшихъ просвѣщеннѣйшихъ отцевъ церкви. Имѣли ли пастыри того времени способы и средства поднять себя на тотъ уровень образованія, какого желали болѣе передовые святители?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что церковь, или если угодно іерархія, въ разсматриваемое время не принимала на себя попеченій объ учрежденіи какихъ-либо училищъ для подготовленія юношества къ прохожденію духовныхъ должностей. Это зависѣло отъ многихъ причинъ. Во первыхъ эпоха первыхъ трехъ вѣковъ не знала никакихъ духовно-учебныхъ заведеній, обходилась безъ нихъ. Это было такъ сказать прецедентомъ. Далѣе съ VI вѣка развивается и утверждается въ церкви монашество, которое по самой идеѣ ¹⁾ не имѣло побужденій благопріятствовать школьному дѣлу. А такъ какъ даже въ IV вѣкѣ изъ монаховъ стали выбирать епископовъ, то заботы о научномъ развитіи духовенства отступили въ церкви на задній планъ. Климентъ Александрійскій въ III вѣкѣ разсуждалъ: „если бы кто-либо предложилъ гностику (т. е. христіанскому ученому: *τῷ γνωστικῷ*) сдѣлать выборъ между познаніемъ Бога и вѣчнымъ блаженствомъ (*τὴν σωτηρίαν τὴν αἰώνιον*) допуская, что одно съ другимъ несомвѣстимо (а это, конечно, не правда), то гностикъ безъ сомнѣнія, избралъ бы познаніе“ ²⁾ (т. е. науку), а съ тѣмъ отказался бы отъ блаженства. Мысль замѣчательная! Но съ IV вѣка едва ли кто рѣшился бы повторить подобную мысль: она противорѣчила духу времени (нѣ что подобное говорили крайніе аріане, но аріане — плохой примѣръ). Не о наукѣ, и не о школахъ были тогда думы.. Наконецъ, нужно сказать, что наука и школы сдѣлались подозрительными: изъ существовавшихъ школъ слишкомъ много вышло аріанъ и несторіанъ. Поэтому попеченія церкви о школахъ были не въ интересахъ того времени.

Но однакожь, гдѣ же училось тогдашнее духовенство? За отсутствіемъ церковной инициативы, на помощь духовенству являлись частныя лица изъ просвѣщенныхъ христіанъ, которыя и открывали школы, какія пришлось и какія могли.

¹⁾ См. объ этомъ въ концѣ статьи.

²⁾ Stromat. Liber IV, cap. 22.

Сообщимъ свѣдѣнія объ этихъ школахъ. Само собою разумѣется, такихъ школъ было очень мало.

Обратимъ вниманіе сначала на Востокъ. Всѣ указаннаго рода школы, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могли получать образованіе пастыри, — на перечесть. Древнѣйшею и знаменательнѣйшею изъ этихъ школъ была александрійская. Но время ея процвѣтанія относится къ періоду до Константина Великаго. Съ четвертаго же вѣка среди арианскихъ, монофизитскихъ и другихъ движеній она какъ-то ступшевывается и вскорѣ умираетъ. Послѣднимъ осеннимъ цвѣткомъ этой школы былъ знаменитый учитель ея Дидимъ, слѣпецъ отъ рожденія. Глубоко образованный не только въ наукахъ отвлеченныхъ, но и начертательныхъ, Дидимъ возбуждалъ общее удивленіе. Онъ зналъ поэзію, риторику, астрономію, геометрію, діалектику, музыку и всѣ науки философскія. Бл. Иеронимъ называетъ его чудомъ для всѣхъ. Его широкая образованность при слѣпотѣ, заставляла нѣкоторыхъ говорить о немъ, что не имѣя очей тѣлесныхъ, онъ имѣетъ очи ангельскія. По свидѣтельству церковнаго историка, Созомена, его слава многихъ привлекала въ Александрію: однихъ для того, чтобы слушать слѣпца, другихъ для того, чтобы только увидѣть его. Тотъ же Созоменъ называетъ училище, въ какомъ преподавалъ Дидимъ, „духовнымъ училищемъ священныхъ“. Дидимъ былъ горячимъ приверженцомъ Оригена ¹⁾. Но, говоримъ, недолговѣчна была школа Александрійская.

Болѣе вліятельною была школа Антиохійская, основанная, какъ мы знаемъ въ III вѣкѣ, преимущественно пресвитеромъ Лукіаномъ († 311). Но о дѣятельности Лукіана ²⁾, какъ учителя, мы ничего не знаемъ. Гарнакъ остроумно называетъ его „признаннымъ святымъ, но непризнаннымъ учителемъ“. Это не то значить, что его ученики своими умствованіями скомпрометировали своего учителя: при жизни Лукіана ничего такого не было, а значить, что его учено-педагогическая дѣятельность, какъ таковая, не нашла себѣ

¹⁾ Иеронима. Книга о знаменитыхъ мужахъ (Catalogus), гл. 109. Созомена, IV, 25.

²⁾ Свѣдѣнія о Лукіанѣ тщательно собраны Нагааск'омъ. Gesch. d. altchrist. Litteratur. S. 527—531.

олобренія въ глазахъ церкви ¹⁾. Повторяемъ: хотя свѣдѣнія наши о Лукіанѣ и не совсѣмъ скудны, но они весьма мало отвѣчаютъ на вопросъ: что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался въ своей школѣ, чему и какъ училъ? Мы знаемъ достоверно только о томъ, кто у него учился. Эти лица развили широкую богословскую и педагогическую дѣятельность въ IV вѣкѣ ²⁾. Нельзя скрывать, что ученики его стяжали печальную извѣстность; между ними оказалось много арианъ, каковы, наприм., самъ Арій, Евсевій Никомидійскій и др. Но эти и подобныя имена въ настоящемъ случаѣ важны для насъ, какъ свидѣтельство, что у Лукіана была действительно школа, а это пока намъ только и нужно доказать. Конечно, между его учениками были не одни ариане, а люди различнаго религіознаго умонастроенія. Замѣтно ясно одно: школа скрѣпляла связь между учениками (какъ показываетъ исторія арианскихъ движеній), значить была доброй школой—товарищи не забывали другъ друга и по выходѣ изъ школы. Они притомъ же высоко ставили имя своего учителя, хвалились тѣмъ, что они учились у этого мужа (существовалъ извѣстный въ исторіи кружокъ „солукіанистовъ“ ³⁾). Значить было чѣмъ хвалиться, значить ученики любили своего учителя и безъ сомнѣнія — было за что. — Преемники Лукіана по учительству въ IV вѣкѣ съ большимъ успѣхомъ поддерживали славу тойже школы. Такъ Діодоръ, впослѣдствіи епископъ Тарескій, былъ замѣчательнѣйшимъ учителемъ антиохійской школы. Подъ его руководствомъ воспитывался такой блестящій богословскій талантъ, какимъ былъ Іоаннъ Златоустъ. Своимъ рѣдкимъ по обширности и глубинѣ богословскимъ образованіемъ Златоустъ обязанъ Діодору. Съ любовію слушалъ его уроки Златоустъ и, какъ онъ сознается, всегда благодарилъ и другимъ внушалъ благодарить Бога, что Онъ даровалъ имъ такого мудраго отца и учителя ⁴⁾. Другой учитель антиохійской

¹⁾ См. начало нашей предшествующей статьи.

²⁾ Ученики Лукіана изчислены въ сейчасъ указанномъ, сочиненіи Hagnack'a, S. 531 — 532. А также въ нашей книгѣ: „Всел. соборы“ IV и V в., гл. 2-ая. С. II. 1896.

³⁾ Ibidem (у Hagnack'a).

⁴⁾ Лебедева В. Жизнь св. Іоанна Златоуста. Прибавл. къ твореніямъ св. отцевъ, т. XIV (1855 г.), стр. 186.

школы Теодоръ ¹⁾, вполѣдствіи епископъ Мопсуетскій, сла-
венъ былъ, какъ экзегетъ, изъ-подъ руководства котораго
вышелъ глубокомысленный богословъ своего времени — Тео-
доритъ епископъ Кирскій. Достаточно знать, что Златоустъ
и Теодоритъ обязаны своимъ богословскимъ развитіемъ
школѣ антиохійской, чтобы понять, на какой высокой сте-
пени совершенства стояли антиохійскіе учителя. Но и этой
школѣ, подобно Александрійской, какъ-то не повезло: она
поставляла современной церкви болѣе пастырей ерети-
ческихъ (несторіанскихъ), чѣмъ православныхъ, и потому
дѣятельность ея была кратковременна. Въ V вѣкѣ она уже
прекращаетъ свое существованіе.

Родною сестрою школы антиохійской по характеру ея дѣя-
тельности была школа—Едесско-Низивійская. Мы называемъ
эту школу едесско-низивійскою потому, что она попере-
мѣнно существовала въ этихъ двухъ городахъ,—то Едессѣ,
то Низивіи. Месопотамія издавна славилась образованно-
стію; здѣсь издавна существовало два рода школъ—низшія
въ селеніяхъ и высшія въ городахъ. Все это благопріятство-
вало появленію здѣсь собственно христіанскихъ школъ.
Древнѣйшею христіанскою школою въ Месопотаміи была—
низивійская. Она процвѣтала здѣсь уже въ началѣ IV вѣка
подъ руководствомъ Іакова, епископа этого города. Іаковъ
имѣетъ значеніе какъ учитель св. Ефрема Сирина, родив-
шагося въ Низивіи и бывшаго въ свою очередь учителемъ
этой школы послѣ Іакова. Ефремъ пользовался большимъ
уваженіемъ въ своей странѣ и къ нему прилагали самыя
возвышенныя имена: называли его краснорѣчивыми устами,
языкомъ церкви, арфой св. Духа, учителемъ вселенной.
Однакожь недолго Ефрему пришлось оставаться учителемъ
въ низивійской школѣ. Персы разрушили Низивію (въ
IV вѣкѣ) и школа уничтожилась ²⁾. Ефремъ переходитъ въ
Едессу, которая также славилась христіанскимъ просвѣще-
ніемъ и открываетъ здѣсь христіанскую школу. Впрочемъ
эта была не первая школа въ Едессѣ, и до Ефрема здѣсь
существовала подобная же школа и притомъ довольно благо-
устроенная. Въ этой школѣ еще до прибытія Ефрема въ

¹⁾ Гурьева, Теодоръ, еписк. Мопсуетскій, стр. 35. М. 1890.

²⁾ Kihn. Die Schulen zu Antiochia, Edessa und Nisibis, S. 81—83. 85. Weissen-
burg, 1865. Hergenrother Ph. Die Antiochenische Schule, S. 57. Würzburg, 1866.

Едессу обучались не только христіанскія юноши, но и дѣти язычниковъ. Она была въ такомъ почетѣ, что юноши съ Востока и Запада спѣшили сюда для образованія. Самые знаменитыя лица и даже князья посылали сюда дѣтей, въ это убѣжище науки для христіанскаго образованія. Ефремъ Сиринь своимъ прибытіемъ придалъ еще новый блескъ этой школѣ. Въ его школѣ преподавалось не только Свящ. Писаніе и догматы вѣры, но и общеобразовательныя науки. Ученики Ефрема были многочисленны. Довольно долгое время школа оставалась представительницей идеи христіанскихъ въ чистой православной формѣ. Но такъ продолжалось до 431 года, когда послѣ III вс. собора изъ Антіохіи были изгнаны приверженные къ несторіанству учителя антіохійской школы. Они нашли себѣ пріютъ въ едесской школѣ и старались дать ей несторіанскій отпечатокъ. Впослѣдствіи впрочемъ, въ концѣ V вѣка, несторіанскіе учителя были изгнаны изъ Едессы. Но изгнанные изъ Едессы, несторіанскіе учителя не растерялись, они перешли въ Низивію и основали здѣсь новую школу, которая процвѣтала во весь періодъ древней церкви, и была разсадникомъ, приготовлявшимъ клириковъ несторіанскаго направленія для сосѣднихъ странъ. Духъ этой школы въ Низивіи высказывается, напримѣръ, въ томъ, что учителя этой школы съ любовію изучали сочиненія Несторіева учителя Θεодора Мопсуетскаго. Извлекали изъ его сочиненій герменевтическія правила для толкованія Писанія. На нѣкоторыхъ соборахъ въ Низивіи (596 и 605 г.) высказываема была анаѣма на монаховъ, отвергавшихъ сочиненія Θεодора Мопсуетскаго. Хотя низивійская школа и была несторіанскою, однако это не мѣшало ей быть очень славною. Слухъ объ ея цвѣтущемъ состояніи и достоинствахъ преподаванія въ ней достигъ даже отдаленнаго Запада, какъ это можно видѣть изъ того, что когда папа Агапиль (536 г.) по мысли извѣстнаго Кассіодора, министра, а потомъ аббата и церковнаго писателя, хотѣлъ завести школу христіанскую въ Римѣ, то при этомъ за образецъ имѣли взять школу низивійскую, учебный характеръ и программа которой были въ большой славѣ ¹⁾.—О преподаваніи предметовъ науки въ

¹⁾ Kihn. Ibid., S. 83—88.

школъ Едесско-Низивійской V и VI в. извѣстно слѣдующее: чтеніе и истолкованіе Писанія было главнымъ ея дѣломъ. Курсъ изученія св. Писанія былъ трехгодичный. Въ первый изучались посланія Ап. Павла и пятокнижіе; во второй—псалмы и пророки; въ третій—остальной Новыи Заветъ. Здѣсь преподавались также философія Аристотеля, грамматика, музыка. Преподаваніе вели официально поставленные лица,—подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ свѣтскихъ школахъ, и было систематическимъ. Иногда число учениковъ въ школъ простиралось до 800 человекъ¹⁾. — Конечно отъ этой школы немного было пользы собственно для церкви православной: школа имѣла цѣли сепаративныя.—Есть еще довольно глухое извѣстіе о существованіи христіанской школы въ Константинополѣ. Златоустъ, будучи въ заточеніи, утѣшаетъ письмами нѣкоторыхъ пресвитеровъ въ Константинополѣ — Филиппа и Евфимія, лишенныхъ за привязанность къ Златоусту должности „учителей школы“²⁾, но объ этой школъ мы ничего не знаемъ. Вотъ и все, что можно сказать о школахъ христіанскихъ, въ которыхъ могло получать образованіе духовенство восточной церкви! Если присоединимъ сюда монастыри, изъ которыхъ вышло немало пастырей того времени, то наша задача будетъ выполнена. Что сказать о томъ образованіи, которое пастыри могли получать въ греческихъ монастыряхъ? Монастыри вообще были не бесполезны въ данномъ отношеніи, поскольку въ нихъ можно было приобретать христіанско-практическое направленіе, религіозную опытность и знакомство съ свящ. Писаніемъ. Но съ другой стороны въ монастыряхъ, какъ естественно, развивалась значительная ограниченность богословскаго кругозора, которая могла вредно отражаться на образованіи пастыря³⁾. И притомъ, вышедшіе изъ монастырей пастыри, почти всегда приносили съ собой въ дѣятельность житейскую непрактичность, происходившую отъ малаго знакомства съ современнымъ обществомъ, чрезъ что должно было парализоваться

¹⁾ Hergenröther Ph. S. 59—60. Neander. Allgemeine Geschichte d. christlich. Religion. B. I, S. 494. Gotha, 1856.

²⁾ Письма Іоанна Златоуста, стр. 262. 267. Спб., 1866.

³⁾ Преображенскаго В. Западныя и восточныя школы во времена Карла Вел. стр. 327. Спб., 1881.

нихъ вліяніе на пасомыхъ ¹⁾.—Большинство-же будущихъ пастырей получало свое образованіе частнымъ образомъ у приходскихъ священниковъ, образованіе, конечно, не достаточное и элементарное. Въ греческой церкви священники обыкновенно имѣли у себя школки для желающихъ учиться грамотѣ; изъ этихъ школокъ, конечно, и выходило большинство клириковъ. Имѣтъ такія школы Трульскій соборъ положительно вмѣняетъ въ обязанность священникамъ 2).

Переходимъ къ обзорѣнїю Западной церкви съ цѣлю изученія имѣвшихся здѣсь способовъ къ образованію духовенства. Мало было на Востокъ христіанскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія образованнаго духовенства; что же касается Запада, тамъ и того не было. Была правда попытка устроить богословскую школу въ Римѣ, но и эта попытка не осуществилась. Извѣстный Кассіодоръ, сожалѣя о томъ, что на Западѣ нѣтъ школъ, въ которыхъ бы происходило систематическое объясненіе св. Писанія, убѣдилъ было римскаго епископа Агапита (VI в.), устроить подобную школу въ Римѣ, но бурныя обстоятельства времени не дали осуществиться плану ³⁾. Впрочемъ замѣнь правильно организованныхъ школъ богословскихъ, на Западѣ развилась похвальная личная заботливость нѣкоторыхъ епископовъ о просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи клира. Здѣсь нѣкоторые епископы положительно заводили нѣчто подобное духовнымъ школамъ, но только для взрослыхъ. Евсевій епископъ Верчельскій (принадлежавшій къ медиоланской митро-

¹⁾ Златоустъ пишетъ: „знаю многихъ изъ прошедшихъ всю свою жизнь въ затворничествѣ и изнурившихъ себя постомъ, которые пока пребывали въ уединеніи и пеклись только о себѣ, болѣе и болѣе преуспѣвали, а когда явились къ народу и должны были исправлять невѣжество людей, тогда одни изъ нихъ съ самого начала оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе, хотя и продолжали служеніе (пастырское), но оставивъ прежнюю строгость жизни, причинили величайшій вредъ себѣ и не принесли никакой пользы другимъ. Говорю это, не желая узаконить, чтобы монашествующіе вовсе были устранимы отъ предстоятельства, но... и проч. *Слова о священствѣ*. III, 15. Стр. 429.

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій замѣчаетъ, что въ одномъ собраніи церковныхъ канонѣвъ прямо читается такое правило Трульскаго собора (затѣмъ у автора приводится самое правило). *Исторія русск. церкви* Первая полов. I-го тома, 597. Изданіе 1-ое.

³⁾ Франц. М. Aurelius Cassiodorius Senator, S. 24. Breslau, 1872.

поліи) открылъ въ своемъ епископскомъ городѣ, кромѣ монашескаго общежитія, еще и общежитіе для всѣхъ подвѣдомыхъ ему клириковъ ¹⁾. Это было въ срединѣ IV вѣка. Возможно думать, что въ этомъ общежитіи клириковъ послѣдніе хоть сколько-нибудь занимались и дѣломъ взаимнаго просвѣщенія. Впрочемъ это лишь вѣроятное предположеніе. Нѣсколько болѣе имѣетъ значеніе въ нашемъ вопросѣ общежитіе для клира, созданное въ Медиоланѣ св. Амвросіемъ. Амвросій, неожиданно для самаго себя попавшій на епископскую кафедру, не приготовившись къ исполненію обязанностей этого сана, не только восполнилъ усиленнымъ трудомъ оказавшійся у него пробѣлъ въ знаніи богословія, но и захотѣлъ помочь другимъ, т. е. такимъ, которые могли бы оказаться въ испытанномъ имъ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе неподготовленности къ духовному служенію, могущему предстоять имъ въ будущемъ. Поэтому онъ нарочито собиралъ въ свой клиръ молодыхъ людей, которыхъ впослѣдствіи можно было бы возвести въ священныя должности и дѣлалъ попытки готовить ихъ къ служенію, ихъ ожидавшему. Какъ велось это приготовленіе и въ чемъ состояло оно, на это указываетъ сочиненіе его: „о должностяхъ“ (de officiis ministrorum). Эта книга, по его словамъ, составила изъ тѣхъ бесѣдъ, какія онъ въ теченіе 16 лѣтъ велъ съ молодыми людьми, поступавшими въ его клиръ. Въ ней излагается христіанское правоученіе, показывается отличіе этого правоученія отъ языческой неики. Вмеѣстѣ съ тѣмъ епископъ излагалъ правила житейскаго благоразумія и благоповеденія, необходимыя для служителей церкви. Можно вообще думать, что бесѣды Амвросія касались и вопросовъ богословскаго вѣдѣнія ²⁾. Но во всякомъ случаѣ нельзя смотрѣть на указываемый опытъ Амвросія какъ на какую-либо школу. На Востокѣ обычай просвѣдительныхъ собесѣдованій епископовъ съ окружающею ихъ молодежью извѣстенъ съ давнихъ поръ; припомнимъ, напримѣръ, то, что говорилъ св. Иринеи объ урокахъ св.

¹⁾ Ambrosii epistola (63) ad Vercellenses, cap. 66. Migne, Lat. Ser. Tom. 16. p. 1207.

²⁾ Проф. В. Θ. Пѣвницкаго. „Образованіе отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка“. Труды Кіев. дух. акад. 1892, т. III, стр. 279—280.

Поликарпа Смирнскаго ¹⁾); но отъ этихъ уроковъ до учрежденія школы еще далеко. Да и составлять понятіе о наставнической дѣятельности Амвросія по его книгѣ: „о должностяхъ“, такъ же трудно, какъ и о школьной программѣ Александрійской школы по сочиненію Климента Александрійскаго—„Строматы“, излагающей тоже школьные уроки, преподаваемые этимъ послѣднимъ въ указанной школѣ. Нужны въ подобныхъ случаяхъ прямыя указанія ихъ авторовъ, чтобы не допустить произвола и преувеличеній ²⁾.

¹⁾ См. начало нашей предъидущей статьи.

²⁾ Эти послѣднія замѣчанія мы сдѣлали не безъ особеннаго намѣренія. Дѣло въ томъ, что намъ встрѣтилась одна русская книга, въ которой подробно и безъ всякихъ ограниченій говорится о школѣ, заведенной Амвросіемъ для обученія клириковъ и дѣтей, готовящихся къ поступленію въ духовное сословіе. Вотъ что пишетъ авторъ этой книги: „Амвросій (въ Медиоланѣ) собралъ вокругъ себя клириковъ и устроилъ т. называемый пресвитеріумъ(?), т. е. домъ для священно-служителей. Эти клирики составляли его единственное и постоянное общество, съ которымъ онъ жилъ одною общею нераздѣльною жизнію. Онъ былъ между ними не болѣе, какъ старшимъ братомъ руководителемъ. Тутъ священники и діаконы подъ руководствомъ Амвросія читали, писали и работали всѣ вмѣстѣ сдобща. Все общество клириковъ раздѣлялось на старшихъ и младшихъ членовъ. Первые, болѣе опытные и просвѣщенные священники, составляли епископскій совѣтъ; вторые, стоявшіе ниже по церковной должности и по образованію, готовились къ пастырскому служенію и подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ самого Амвросія изучали свѣщ. Писаніе. Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи были взрослые, были и малыя дѣти (?), воспитаніемъ и обученіемъ которыхъ завѣдывалъ самъ Амвросій, который заботился о нихъ, какъ родной ихъ отецъ. Существенный характеръ воспитанія и приготовленія въ этой школѣ (?) будущихъ пастырей церкви, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Амвросія, которыя онъ сказалъ именно по поводу этой школы (!). „Ничто не можетъ внушать намъ столько силы и привязанности къ пастырскому служенію, какъ необходимость быть подчиненнымъ съ ранней молодости строгой дисциплинѣ и покорнымъ священнымъ обычаямъ, которые отдаляютъ и удерживаютъ клириковъ отъ сношеній и привычекъ мірскихъ, хотя бы они и оставались жить среди міра“ („О должностяхъ священнослужителей церкви Христовой. Изданіе съ предисловіемъ П. Поспѣлова, стр. XV—XVII. Кіевъ, 1875). Откуда этотъ авторъ добылъ свои свѣдѣнія о школѣ Амвросія? Онъ цитируетъ 63 письмо Амвросія ad Vercellenses, на которое мы ссылались немного выше. Но во всемъ этомъ (правда, очень длинномъ) письмѣ нѣтъ тѣхъ извѣстій, которыя такъ развязно передаетъ г. Поспѣловъ. Находится здѣсь лишь фраза Амвросія, которую мы закончили выдержку изъ книги русскаго автора (Migne

Общежитія клириковъ (съ аскетическимъ направленіемъ), появившіяся на Западѣ, по почину Евсевія Верчельскаго, а затѣмъ Амвросія, получаютъ характеръ духовно-учебныхъ заведеній только со временъ Августина. Весьма вѣроятно, что форму такого рода общежитія Августины занялъ у Амвросія, имѣвшаго большое значеніе въ дѣлѣ обращенія Августина въ христіанство. Но взявъ эту форму, послѣдній усовершенствовалъ ее, восполнилъ—и она получила значеніе въ исторіи изучаемаго нами вопроса. Впрочемъ значеніе этого учрежденія не слѣдуетъ преувеличивать, какъ открывается изъ ниже-слѣдующаго. По инициативѣ Августина, его клиръ составилъ изъ себя родъ аскетическаго общежитія, и Августинъ придавъ этому общежитію характеръ какъ бы духовной семинаріи. Біографъ Августина Поссидій говоритъ объ этомъ такъ: „Августинъ устроилъ въ церкви (Иппонской), изъ лицъ клира, какъ бы монастырь и началъ жить со служителями Божіими по образу и правилу, учрежденному св. Апостолами. Въ этомъ обществѣ,—говоритъ Поссидій,—никто не имѣлъ никакой собственности, но у всѣхъ все было общее, и каждый снабжался тѣмъ, что было нужно ему ¹⁾. Самъ Августинъ жилъ въ одномъ и томъ же домѣ съ этими своими клириками, имѣлъ общій съ ними столъ, общія издержки и одѣвался одинаково съ ними“ ²⁾. Объ этомъ общежитіи самъ Августинъ сообщаетъ такія свѣдѣнія: „такъ какъ я задумалъ жить въ монастырѣ вмѣстѣ съ братіей, то узнавши о моемъ намѣреніи, блаженный старецъ Валерій, (епископъ), отдалъ мнѣ тотъ садъ, въ которомъ теперь монастырь. Я началъ собирать братій, отличавшихся хорошимъ расположеніемъ,—подобно мнѣ ничего не имѣющихъ и подражавшихъ мнѣ. Какъ и я нѣкогда продалъ свою бѣдную одежду и роздалъ деньги нищимъ, такъ дѣлали и тѣ, ко-

Loc. cit., p. 1207); но она относится не къ воображаемой школѣ Амвросія, а къ аскетическому общежитію клириковъ, созданному Евсевіемъ Верчельскимъ. Никто даже изъ болѣе обстоятельныхъ историковъ: ни Neander, ни Kurtz, ни Möller не знаютъ такой Амвросіевой школы; ея не допускаетъ и проф. Пѣвницкій.

¹⁾ Possidii Vita Augustini. Migne. Patrolog. cursus. Latina Ser. Tom. 32, p. 37 (cap. 5).

²⁾ Ibid., p. 54 (cap. 25).

торые желали быть вмѣстѣ со мною, чтобы жить общимъ“¹⁾. Въ этомъ учрежденіи Августина безъ сомнѣнія читалось и изучалось св. Писаніе и комментировалось. Августинъ, высоко цѣня свое заведеніе, объявлялъ, что онъ не приметъ въ свой клиръ никого, кто не хотѣлъ предварительно вступить въ его *monasterium clericorum*—какъ иногда называютъ его заведеніе—и что никого не возведетъ въ духовный санъ, кто не получитъ образованіе въ немъ. И не смотря на ненавистные клеветы, которыми осыпали Августина за это заведеніе, онъ оставался вѣренъ пожеланіямъ о немъ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этого заведенія вышли многіе пастыри хорошо образованные теоретически и практически.—Успѣхъ учрежденія былъ такъ великъ, что даже въ другихъ епархіяхъ открыто высказывалось желаніе замѣщать вакантныя мѣста епископовъ и пресвитеровъ питомцами Августина. Мало того. Прочіе африканскіе (да и не одни они) епископы, увлеченные примѣромъ Августина, начали заводить подобныя же семинаріи. И когда затѣмъ многіе изъ этихъ епископовъ изгнаны были изъ своего отечества Вандалами, то по переселеніи въ Сицилію и Сардинію, они и здѣсь занялись устройствомъ этихъ августиновыхъ школъ³⁾.

За недостаткомъ правильно организованныхъ школъ для образованія духовенства на Западѣ, какъ и на Востокѣ, и даже болѣе, служили такой-же цѣли монастыри. По статутамъ западныхъ монастырей, на обязанности монаховъ лежало обученіе дѣтей, которыхъ родители отдавали въ монастырь на воспитаніе. Юношество въ монастыряхъ должно было три часа въ день посвящать исключительно наукѣ. Въ каждомъ монастырѣ предписывалось имѣть бібліотеку; старые и одержимые болѣзнію монахи обязаны были заниматься перепискою книгъ для пополненія бібліотеки. И если сначала забота о просвѣщеніи была исключительно направлена на приобрѣтеніе богословскаго знанія, то впоследствии сочтено было необходимостію преподавать и другія науки⁴⁾.

¹⁾ Augustini. Sermo 355. Сл. Н. Извъкова. Іерархія сѣверо-африканской церкви, стр. 230. Вильна, 1884.

²⁾ Augustini. Sermo 356. Cf. Kurtz. Opus cit., S. 58.

³⁾ Kurtz. Ibidem.

⁴⁾ Висковатова. Эпоха гуманизма. Журн. мин. нар. просв., 1872 (т. 161),

Изъ числа монастырскихъ школъ на Западъ заслуживаетъ большаго вниманія школа Аврелія Кассіодора. Уже не разъ названный нами Кассіодоръ устроилъ въ Италіи (близъ города Scyllatium) монастырь, получившій наименованіе Vivarium, сдѣлался настоятелемъ его и открылъ въ немъ школу. Онъ желалъ сдѣлать свой монастырь разсадникомъ какъ мірской, такъ и—что особенно важно—богословской науки. Въ этомъ отношеніи Кассіодоръ много отличается отъ основателя западнаго монашества Бенедикта Нурсійскаго: послѣдній идеаломъ монашества ставилъ созерцательность и физическій трудъ, а первый—созерцательность и науку. Разумѣется, Кассіодоръ не думалъ совсѣмъ изгонять физическій трудъ изъ жизни монаховъ, онъ хотѣлъ дать ему другое, полезное для науки приложеніе: списываніе кодексовъ св. Писанія и другихъ книгъ—вотъ на что долженъ быть направленъ трудъ. Онъ, Кассіодоръ, какъ само по себѣ понятно, предписалъ монахамъ своей обители чтеніе св. Писанія, но не ради только аскетическаго укрѣпленія себя въ добродѣтели, а ради научнаго изученія его ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ прямыми извѣстіями о томъ, какъ велось школьно-научное дѣло въ Виваріумѣ. Объ этомъ мы должны составлять понятіе по тѣмъ учебникамъ, по которымъ велось изученіе наукъ въ монастырѣ и которые написаны были рукою самого Кассіодора. Одинъ учебникъ служилъ средствомъ къ изученію свѣтскихъ наукъ (это—*de artibus ac disciplinis liberalium literarum*), а другой—средствомъ къ изученію богословія (это—*de institutione divinarum literarum*). Въ первой книгѣ въ семи главахъ изложены были основныя научныя положенія изъ грамматики, риторики, диалектики, ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи—изъ семи такъ называемыхъ свободныхъ наукъ. Учебникъ былъ

стр. 171—172. Подобно тому, какъ на Востокъ, существовали и на западѣ школы, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ. Соборъ везонскій (въ арльской провинціи) требовалъ, чтобы всѣ приходскіе священники, по прекрасному обычаю, соблюдаемому во всей Италіи, принимали въ свой домъ молодыхъ неженатыхъ чтецовъ, учили ихъ псалмопѣнію, церковному чтенію и наставляли въ законѣ Господнемъ, дабы имѣть въ ихъ лицѣ способныхъ преемниковъ по должности. Hefele. Conciliengeschichte. В. II, 741. Указанный соборъ относится къ 529 году.

¹⁾ Franz. Aurelius Cassiodorus. S. 26. 42—3. Breslau, 1872.

кратокъ, но за то обстоятельно указывалъ на различныя подробности, уже существовавшія, для дальнѣйшаго ознакомленія съ науками. Кассіодоръ смотрѣлъ на изученіе свѣтскихъ наукъ, лишь какъ на средство къ плодотворнѣйшему изученію св. Писанія. Введеніе изученія свѣтскихъ наукъ въ монастырѣ вызвало нареканія на Кассіодора; но онъ защищался тѣмъ, что этими науками занимались бл. Августинъ, бл. Иеронимъ и др., прибавляя, что „хотя они и были свѣдущи въ мірскихъ наукахъ, но пребыли въ законѣ Божиємъ и достигли истинной мудрости“ ¹⁾. Второй учебникъ былъ руководствомъ къ изученію богословія, въ центрѣ котораго Кассіодоръ поставлялъ научное ознакомленіе съ св. Писаніемъ. Сюда же направлялись всѣ, находившіяся въ учебникѣ, указанія на изученіе нѣкоторыхъ другихъ наукъ—какъ то догматики, исторіи, географіи, орографіи. Разрѣшеніе недомѣянныхъ вопросовъ въ области изученія библіи Кассіодоръ предписывалъ искать въ сочиненіяхъ св. отцовъ и въ бесѣдахъ съ людьми болѣе свѣдущими. Достойно замѣчанія, что Кассіодоръ не исключалъ изъ пользованія и книгъ, написанныхъ людьми не совсѣмъ православными (наприм., Оригеномъ, донатистомъ Тихоніемъ). При чтеніи подобныхъ сочиненій самъ онъ дѣлалъ помѣтки противъ подозрительныхъ мѣстъ, тоже рекомендовалъ дѣлать и болѣе опытнымъ монахамъ. Многимъ не нравилось разрѣшеніе читать сочиненія, вышедшія изъ подъ пера людей не совсѣмъ православныхъ, они говорили: зачѣмъ это? для чего это нужно? Такимъ онъ отвѣчалъ словами Виргилія, который на вопросъ: зачѣмъ онъ читаетъ Еннія, сказалъ: *aurum in stercore quaero* ²⁾. Вообще учебники Кассіодора были кратки, потому что они предполагали устное ихъ разъясненіе и пополненіе ³⁾. — Кассіодоръ хорошо понималъ, что нельзя заниматься наукою, не имѣя подъ руками солидной библіотеки. Поэтому, онъ снабдилъ монастырѣ библіотекою какъ изъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ писателей. „Онъ былъ неутомимъ въ отысканіи и собираніи книгъ: чего онъ не могъ найти въ Италіи, то выписывалъ изъ Африки

¹⁾ Ibid. 74. 44.

²⁾ Ibid. 49. 68. 73.

³⁾ Ibid. 71.

и другихъ странъ“. Мало того — онъ ревностно поощрялъ монаховъ къ переписыванію книгъ. Поощряя монаховъ въ этомъ отношеніи, онъ говорилъ: „переписчикъ, хоть и останется дома, но благодаря распространенію его рукописи протекаетъ разныя страны... въ храмахъ читаютъ его книгу... ее будутъ слушать народы, которымъ предназначено отстать отъ грѣха и обратиться ко Христу“¹⁾.—Мы не знаемъ, какая судьба постигла школу Кассіодора. Вѣроятно же всего — печальная.

Взвѣсивъ все то, что сказано нами о средствахъ къ просвѣщенію клира на западѣ, можно утверждать, что и Западъ въ данномъ отношеніи весьма мало дѣлалъ въ указанное время.

Однимъ изъ важныхъ пособій для образованія духовенства по крайней мѣрѣ въ IV и V вѣкахъ были языческія риторическія школы. Пока существовали эти школы, онѣ оказывали немалую пользу образованію христіанскихъ юношей, изъ которыхъ впоследствии выбирались пастыри. Многие изъ святителей церкви получили свое общее образованіе въ языческихъ школахъ, изучая здѣсь классическія науки и потомъ ознакомлялись съ богословіемъ или подъ руководствомъ какого нибудь знаменитаго учителя или частнымъ образомъ — чрезъ чтеніе св. Писанія и наличной церковной литературы. Такъ Василиій Великій, Григорій Богословъ посѣщали школу аѳинскую, Златоустъ слушалъ уроки у знаменитаго ритора Ливанія въ Антиохіи. Иеронимъ наставленъ былъ въ классической наукѣ грамматикомъ Донатомъ въ Римѣ. Августинъ изучалъ латинскую литературу и искусство краснорѣчія, — въ Карфагенѣ, Римѣ и Медиоланѣ. Съ своей стороны нѣкоторые изъ этихъ христіанскихъ ученыхъ заботились о томъ, чтобы христіанскіе юноши получали образованіе именно въ риторическихъ школахъ. Родственникъ Григорія Богослова Никомуль отпускается своимъ отцомъ для образованія въ школахъ языческихъ, причемъ отецъ писалъ ему: „стремись сынъ куда желаешь; восхитилъ ли тебя атическій соловей, или знаменитый городъ пріятной Финикіи, или знаменитый же городъ Александровъ, т. е. хочешь ли ты учиться въ Аѳинахъ, или Беритѣ въ Финикіи, или

¹⁾ Ibid. 76—77. 56.

въ Александріи,—всякая страна да протекаетъ быстро подъ твоими послѣдующими стопами и произращаетъ подъ ними прекрасные цвѣты, сладкую чашу наукъ жадный твой умъ да изчерпаетъ до самаго дна; ничего не пощажу ни имущества, ни труда, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ пріобрѣтенію великихъ доблестей“¹⁾ научныхъ. Григорій Богословъ считаетъ своимъ долгомъ рекомендовать этого своего родственника лучшимъ риторамъ, прилагая попеченіе объ его образованіи²⁾. При другомъ случаѣ тотъ же Григорій отсылаетъ къ софисту Евстохію юношу Проноя, прося его своимъ преподаваніемъ оказать, какъ онъ выражается, „благодѣяніе“ этому юношѣ³⁾. Василій Великій, будучи самъ воспитанъ въ языческой школѣ, также то и дѣло отсылаетъ къ знаменитому Ливанію на выучку многихъ юношей каппадокійскихъ и жалѣетъ, что не можетъ отправлять ихъ еще больше. „Стыжусь, писалъ Василій Ливанію, что предоставляю тебѣ каппадокіанъ по одиночкѣ, а не могу убѣдить всѣхъ взрослыхъ заниматься словесностью и науками и избрать тебя въ этомъ занятіи наставникомъ. А такъ какъ невозможно достигнуть, чтобы всѣ за одинъ разъ избрали, что для нихъ самихъ хорошо, то посылаю къ тебѣ, по одиночкѣ, кого только уговорю, оказывая имъ чрезъ это столько же благодѣянія, сколько тотъ, кто жаждущаго приводитъ къ источнику“⁴⁾. И нужно замѣтить, что Василій мало по-малу столько наслалъ каппадокіанъ къ Ливанію, что этотъ, наконецъ, кажется сталъ тяготиться наплывомъ въ его школу подобныхъ провинціаловъ. По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Ливаній къ Василію въ шутовой формѣ: „Уже ли, Василій, ты не перестанешь эту священную ограду музъ наполнять каппадокіанами, и притомъ такими, отъ которыхъ пахнетъ шубой и вѣетъ снѣгомъ. Едва и они меня не сдѣлали каппадокіаниномъ, вѣчно приговаривая: до земли тебѣ кланяюсь (вѣ-

1) Письмо Никовула отца къ сыну. Въ „творен. Григорія Богослова“ т. V, стр. 289—290.

2) См., наприм., нѣсколько писемъ его къ разнымъ лицамъ по этому поводу. Творен. Грег. т. VI, 224—226. 230—233.

3) Твор. VI, стр. 230.

4) Письмо Василія къ Ливанію. Творен. Васил. Велик. въ русск. пер. Томъ VII, стр. 315. Изд. 3-е.

роятно, это было провинціальная манера здороваться). Впрочемъ, замѣчаетъ Ливаній, нужно сносить это, потому что приказываетъ Василій. Итакъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что я исправляю провинціальныя ихъ нравы и довожу этихъ людей до благородства и благоприличія, чтобы къ вамъ они возвращались вмѣсто вихирей голубями“¹⁾. Разумѣется, эти воспитанники языческихъ школъ²⁾ не непременно предназначались къ духовному сану, но тѣмъ неменѣе такое явленіе было естественнымъ, когда юношами руководили знаменитые пастыри церкви.

Но что такое были эти риторическія школы, чему и какъ въ нихъ учили, какихъ результатовъ достигали они? Думаемъ, не бесполезно будетъ посвятить немного времени этому вопросу. Иначе останется непонятнымъ ихъ значеніе для церкви разсматриваемаго времени³⁾. Постараемся описать ихъ съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами.—Со времени императорской фамиліи Антониновъ (со II вѣка) главнымъ мѣстомъ, гдѣ процвѣтало риторическое преподаваніе, были Аѳины, но вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ образовались подобныя же школы и достигли значительной славы. Такія школы были въ Римѣ, Александріи, Антиохіи, Беритѣ, Кесаріи палестинской, Пергамѣ, Смирнѣ, Спартѣ и Тагастѣ.—Чему учились въ школахъ риторовъ? Курсъ наукъ, который нужно было проходить тогдашнему образованному человѣку, былъ не кратокъ. Послѣ того, какъ пріобрѣтались начатки зна-

¹⁾ Письмо Ливанія къ Василію. См. въ „твореніяхъ“ послѣдняго, т. VII, стр. 320.

²⁾ Блаж. Феодоритъ, кажется, тоже былъ питомцемъ языческихъ риторовъ. Во всякомъ случаѣ и онъ старался христіанскихъ юношей отправлять въ подобныя школы. Вотъ одно письмо его къ софисту Исокасію: „къ аттическимъ лугамъ вашимъ опять слетаются ваши пчелы. Итакъ ваше великолѣпіе да наполнитъ ихъ медомъ... я прошу, чтобы они сподобились большаго попеченія, такъ какъ желаю, чтобы и нашъ городъ блисталъ вашими плодами“. Проф. Н. Н. Глубоковскаго. Бл. Феодоритъ. Т. I, стр. 10.

³⁾ Кстати сказать что ни одинъ древній вѣкъ не богатъ такъ источниками для изученія риторическихъ школъ, какъ IV по Р. Хр. (а на иемъ мы здѣсь преимущественно и остаовимся), причемъ видное мѣсто между этими источниками занимаютъ патристическія писанія (Rauschen. Das Griechisch—römische Schulwesen zur Zeit des ausgehenden Heidentums. S. 2—3. Bonn. 1901). Да и самыя риторическія школы принадлежали къ числу очень славныхъ и особенно любимыхъ (Rauschen, S. 71).

нія у т. н. грамматика, человѣку, желавшему полного умственнаго развитія, нужно было съ одной стороны расширить кругъ своихъ познаній, съ другой—приобрѣсти искусство краснорѣчія. Кругъ наукъ былъ немалъ: онъ обнималъ не только философію, но и геометрію, астрономію, географію и даже право и медицину ¹⁾. Въ риторическихъ школахъ на первомъ планѣ поставлялось—приученіе молодыхъ людей къ ораторству ²⁾. Къ этой-то цѣли главнымъ образомъ и были направлены занятія въ этихъ школахъ. Курсъ сосредоточивался на изученіи древнихъ писателей, юноши знакомились съ поэтами и ораторами. На изученіи писателей основывались риторическія упражненія; а самыя эти упражненія состояли или въ томъ, что ученикамъ приказывалось, основываясь на нихъ, составлять хриі, или въ томъ, что указывалось,—а это случалось чаще—какое либо мѣсто или изреченіе изъ извѣстнаго писателя и его нужно было или опровергать или распространять какими либо собственными мыслями. Риторы такъ долго останавливались на этихъ упражненіяхъ, такъ прискучивали ими, что ученики даже жаловались на подобный порядокъ дѣла, насмѣшливо говоря: „около одной книженки риторы больше возятся, употребляютъ на нее больше времени, чѣмъ сколько Греки пробыли подъ Троею“ ³⁾. Риторы преподавали также своимъ питомцамъ теорію словеснаго искусства и при этомъ входили въ разъясненіе различныхъ синонимовъ, омонимовъ и паронимовъ, въ разборъ которыхъ иные риторы поставляли верхъ своей славы. Нерѣдко ученикамъ въ видѣ опыта приказывали риторы составить рѣчь, которая и читалась предъ наставникомъ въ свободное отъ занятій время. Для юноши такое дѣло сопряжено было съ немалыми опасеніями; потому что во время чтенія ему доводилось выслушать порицанія, упреки, угрозы и даже получать удары; въ случаѣ же благопріятнаго впечатлѣнія рѣчи на ратора молодой ораторъ получалъ внушеніе и впередъ стараться такъ же ⁴⁾. Въ видахъ образованія юношей, какъ ораторовъ, риторы доставляли своимъ

1) Sievers. Das Leben des libanius, S. 16—17. Berlin 1868.

2) Rauscheu, S. 71.

3) Sievers, S. 24. Rauschen, S. 72.

4) Sievers, S. 25.

питомцамъ случай присутствовать на своихъ публичныхъ рѣчахъ. Такія рѣчи риторы особенно часто произносили лѣтомъ, когда предпринимали путешествіе императоры и другія высокія особы,—встрѣча которыхъ привѣтствовалась риторамъ; но для воспитанниковъ риторовъ эти рѣчи могли мало приносить пользы, потому что лѣто было временемъ каникулярнымъ. Кромѣ этихъ рѣчей, риторы, кажется, обязаны были зимой и весной произносить ежемѣсячно торжественныя рѣчи; на этихъ рѣчахъ обязательно должны были присутствовать и ихъ питомцы ¹⁾. Рѣчи риторовъ составляли чистый праздникъ для публики; отъ нихъ нерѣдко приходили въ общій восторгъ. По выраженію древнихъ писателей „старцы на нихъ позабывали свои лѣта, больные—свои болѣсти“. Но эти публичныя рѣчи, сколько можно судить объ этомъ, весьма лѣниво посѣщались учениками риторовъ, и потому едва ли могли оказывать много вліянія на развитіе молодежи. Ливаній рисуеть предъ нами слѣдующую саркастическую картину: „когда ученики — говорить онъ—приглашались присутствовать на торжественной рѣчи, они далеки были отъ того, чтобы являться на нихъ съ такой же поспѣшностію, съ какой идетъ невольникъ ихъ приглашавшій, и отнюдь не старались о томъ, чтобы перегнать его; ихъ мѣшкотность при входѣ въ залъ возбуждала неудовольствіе у присутствующихъ, казалось, что учениковъ вели на арканахъ. Вотъ началась рѣчь, а они вмѣсто того, чтобы слушать, знаками переговариваются между собой о публичныхъ наѣздникахъ, мимистахъ, танцорахъ; одни изъ нихъ стоятъ неподвижно, точно статуи, другіе ковыряютъ пальцами обѣихъ рукъ въ носу; одни зѣваютъ на вновь являющихся слушателей, другіе заглядывали въ тетрадь оратора, любопытствуя, скоро-ли наступитъ конецъ; шепчутся вмѣсто того, чтобы платить вниманіемъ оратору. Они не во время прибѣгаютъ къ рукоплесканіямъ и тѣмъ препятствуютъ выраженію заслуженныхъ знаковъ одобренія; распускаютъ разные лживые слухи и тѣмъ многихъ отвлекаютъ отъ присутствованія на рѣчи, или даже просто отправлялись въ баню вмѣсто аудиторіи оратора и увлекали

¹⁾ Sievers 26. Rauschen, 74.

своимъ примѣромъ другихъ ¹⁾. Прежде не такъ было, замѣчаетъ Ливаній. Прежде одинъ то, другой—другое запомнили въ рѣчи и выходя изъ залы старались припомнить всю рѣчь цѣликомъ и были очень печальны, если чегонибудь не могли припомнить. Три или четыре дня—бывало—разговаривали на дому и въ школь о рѣчи оратора ²⁾. Какія особенности представлялъ быть учениковъ? Въ тогдешнее время не было ничего въ родѣ существующихъ у насъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ бы вмѣстѣ могли жить воспитанники риторическихъ школъ. Они жили въ домахъ частныхъ гражданъ. Тѣмъ не менѣе они не оставались безъ своего рода инспекторскаго надзора. Прежде всего такой надзоръ за ними имѣлъ педагогъ, нѣчто въ родѣ помощника ратора. „Педагоги, по свидѣтельству одного современника, заботились обо всемъ, что касается жизненныхъ нуждъ воспитанника, но они пеклись и о дѣлѣ еще болѣе важномъ—о цѣломудрїи; педагоги стражи и охранители, стѣна цвѣтущаго возраста, они охраняли питомцевъ отъ злыхъ искусителей, какъ лающія собаки отъ волковъ“. Педагоги слѣдили за приготовленіемъ уроковъ учениками съ вечера и чѣмъ свѣтъ поднимали ихъ съ постели. Преподаемое отъ учителя репетировалось при помощи педагога, причемъ онъ поощряя ученика, „кричалъ на него, показывая розгу, и свисталъ ремнемъ и черезъ эту работу, по замѣчанію древняго писателя, приводилъ на память забытое ученикомъ“ ³⁾. Должность педагога сопряжена была съ неприятностями. Иногда ученики самыя злыя шутки продѣлывали надъ бѣднымъ педагогомъ. Если педагогъ возбуждалъ ненависть въ своихъ молодыхъ питомцахъ, горе ему. Случалось, что дерзкіе шалуны сажали бѣднаго педагога на коверъ, какой обыкновенно постилался на полу, подбрасывали коверъ съ сѣдящимъ на немъ кверху, какъ можно выше, сами же отскакивали, такъ что педагогъ низвергался наземь; иногда онъ больно ушибался, причемъ самая жизнь его подвергалась опасности. Но педагоги должны были про-

¹⁾ Проф. И. В. Цвѣтаева. Изъ жизни высихъ школъ римской имперїи, стр. 109—110: Рѣчь и Отчетъ московск. университета 12 января 1902 г.—Sievers, S. 27—29.

²⁾ Sievers, 29.

³⁾ Sievers, S. 21. 29. Rauschen, S. 67.

шать своимъ ученикамъ, потому что они были рабскаго состоянія и не обладали достодожнымъ авторитетомъ ¹⁾. Но и риторы съ своей стороны не оставляли безъ вниманія хода занятій и жизни своихъ учениковъ. Въ видахъ достиженія благопріятнаго результата въ ученіи, риторы не чуждались и розги, но нѣкоторые хвалились, что они не имѣли нужды прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Особенное вліяніе риторы могли имѣть на учениковъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ, установившихся обычаевъ, условій взаимно-общенія учениковъ и учителя. Ученики нерѣдко сопровождали своего учителя на прогулкахъ; въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ учениковъ риторъ обязанъ былъ посѣщать больного, и въ случаѣ болѣзни ритора, въ свою очередь ученики должны были навѣщать его, причемъ они оставались при его постели на всю ночь. Риторы давали отчетъ родителямъ объ успѣхахъ своихъ учениковъ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Аеинахъ, ученики одного ритора составляли партію враждебную съ учениками другаго ритора. Эта вражда особенно ясно выражалась при приѣмѣ новаго ученика корпораціей даннаго ритора. Приѣмъ сопровождался нѣкоторыми обрядами, наприм., торжественнымъ отведеніемъ вновь принимаемаго въ баню; а при самой вербовкѣ новыхъ слушателей для своего ритора весьма часто между учениками, принадлежащими къ разнымъ школамъ, происходили драки: палки, камни и даже мечи пускались нерѣдко въ ходъ въ этихъ баталіяхъ ³⁾. Между учениками, принадлежащими къ одной и той же школѣ, устанавливались весьма дружественныя отношенія, и растанье не обходилось безъ самыхъ трогательныхъ сценъ ⁴⁾.—Скажемъ два три слова о характерѣ и бытѣ самихъ риторовъ. Нѣкоторые между риторами достигали высокой славы, благодаря искусству своего преподаванія. Таковъ, напримѣръ, былъ Ливаній. Иные изъ нихъ пользовались завидными почестями; когда знаменитые риторы приближались къ какому нибудь городу, весь городъ

1) Проф. И. В. Цвѣтаева. Стр. 108—109.—Sievers, S. 35.

2) Sievers. Das Leben d. Libanius, S. 30—31.

3) Sievers, S. 32—34. Проф. И. В. Цвѣтаева. Изъ жизни высшихъ школъ, стр. 93. 98—99.

4) Sievers, S. 36.

выходилъ имъ на встрѣчу; въ честь риторовъ воздвигались статуи и имъ давались почетные титулы высшихъ должностей¹⁾. Но хорошіе риторы въ это время составляли исключеніе: софистика и діалектика въ худшемъ смыслѣ слова — были истинной сферой, въ которой вращались риторы. Отвлеченность, фразерство, пустыя разглагольствованія, смѣшная страсть къ оригинальнымъ, но нелѣпымъ мыслямъ — были главными чертами умственного строя риторовъ. — Въ нѣкоторыхъ городахъ риторы составляли изъ себя ученые корпорации и вели преподаваніе общими силами²⁾. Риторическія школы уже въ IV вѣкѣ, въ вѣкѣ Ливанія, не довольно процвѣтали; по увѣренію Ливанія, нѣкоторые риторы

¹⁾ Въ императорскій періодъ Рима не существовало такого государственнаго поста, который былъ бы закрытъ преподавателямъ высшихъ наукъ. Профессора краснорѣчія были консулами, канцлерами, начальниками преторіи, правителями областей, такъ что изреченіе Ювенала: „если захочетъ Фортуна, ты будешь изъ ратора консуломъ“, исполнялось въ жизни не разъ (Цвѣтаева, 68). Дѣти риторовъ получали высокое „всадническое достоинство“ (тамъ же, 58). Престарѣлые риторы включались въ высшій классъ отслужившихъ свой срокъ высшихъ сановниковъ, именовавшихся *vicarii*, что по толкованію одного нѣмецкаго ученаго означало бы въ наше время „рангъ совѣтниковъ втораго класса“ (Цвѣт., 47. Rauschen, S. 37). Лучшимъ профессорамъ города воздвигали статуи на публичныхъ мѣстахъ. Знаменитый Проэресій (IV в.) удостоился такого почета и въ Римѣ и въ Аѳинахъ; римская статуя снабжена была лестною надписью: „Римъ царь міра — царю краснорѣчія“ (Цвѣтаевъ, 63). Богатые города дарили славнымъ риторамъ помѣстья (Цвѣт. 41), подобно тому какъ у насъ поляки подарили таковое Сенкевичу. Путешествія профессоровъ сопровождались оваціями: чуть не весь городъ, къ которому они приближались, выходилъ имъ на встрѣчу (Sievers, 41); въ особенности молодежь устремлялась къ нимъ, „какъ желѣзо притягивается магнитомъ“, такъ и риторъ привлекалъ къ себѣ юношество (Rauschen, 77). Если во время путешествія риторъ произносилъ въ какомъ нибудь городѣ рѣчь, то жители его приходили слушать одѣтые въ золотое, пурпуръ, опрысканные духами, съ вѣнками на головахъ (*ibid.*). По окончаніи ораторскаго праздника, слушатели въ изступленіи окружали профессора краснорѣчія, обнимали его, цѣловали ему грудь, руки и ноги, называли его „богомъ“ (*ibid.*, 76). Играя нерѣдко видную роль въ столицахъ, даровитые профессоры тѣмъ болѣе вниманіе обращали на себя въ городахъ провинціальныхъ. Тамъ ихъ знакомства искала мѣстная знать; они являлись аристократами положенія; и оттого для родовитыхъ и богатыхъ невѣстъ эти интересныя лица были „завидными женихами“ (!? Цвѣтаева, стр. 71).

²⁾ Sievers. S. 41.

терпѣли большіе матеріальные недостатки ¹⁾. Виною тому, кажется, отчасти было введеніе со временъ Діоклитіана и Константина бюрократической, чиновнической формы администраціи, вслѣдствіе чего нужда въ ораторахъ все болѣе и болѣе уменьшается ²⁾.

Принимая во вниманіе свѣтлыя и темныя стороны риторическихъ школъ, не будетъ удивительнымъ, если отцы церкви, воспитавшіеся въ нихъ, и другимъ рекомендовавшіе учиться здѣсь-же, отзываются о риторакъ съ одной стороны хорошо, а съ другой не хорошо. Такъ Григорій Богословъ пишетъ эпитафію на смерть знаменитаго аѳинскаго ритора Проэресія,—въ которой говоритъ: „другому смертному нельзя спорить въ краснорѣчіи съ Проэресіемъ, который нѣкогда приводилъ въ потрясеніе міръ рѣчами“ ³⁾; Григорій сравниваетъ задачу дѣятельности ритора Стагирія съ дѣятельностію христіанскаго епископа ⁴⁾; съ чувствомъ описываетъ свое разставанье съ товарищами въ Аѳинахъ, говоря: „нѣтъ ничего печальнѣе для тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ въ Аѳинахъ, какъ покидать Аѳины и разставаться другъ съ другомъ“ ⁵⁾. Но тотъ же Григорій находитъ, что риторскій „обычай состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть стыда“, что „языкъ риторовъ золъ“, что они предназначаютъ себя „для народной площади“, вообще онъ называетъ ихъ „галками“, состязующимися между собою о первенствѣ ⁶⁾. Тоже самое видимъ у Василія Великаго. Съ одной стороны будучи уже епископомъ онъ пишетъ къ Ливанію: „о музы, о науки, о Аѳины, чѣмъ дарите вы своихъ любителей! Какіе приносятся плоды даже и тѣмъ, кто на короткое время сближается съ вами! О презриваю-

¹⁾ Ливаній говорилъ: „у нихъ даже бабушки своей нѣтъ; какъ сапожники живутъ они въ чужихъ домахъ. Доходитъ до того, что имъ приходится нести къ булочнику серьги или ожерелья своихъ жевъ“. Проф. И. В. Цвѣтаева, стр. 42—43. Sievers, 40.

²⁾ Свѣдѣнія о риторическихъ школахъ можно находить въ нашемъ очеркѣ: *язычество и христіанство по ихъ вліянію на питомцевъ школъ II—IV вѣковъ*. (См. нашу книгу: „Церковно-историч. повѣствованія“. М. 1900). А также въ статьѣ проф. В. О. Пѣвницкаго: „образование отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка“. (Труды Кіев. дух. акад., 1892, т. III).

³⁾ Творен., т. V, стр. 347.

⁴⁾ Письмо къ Стагирію. Твор. т. VI, 226—227.

⁵⁾ Слово надгробное Василію велик. Твор. IV, 80.

⁶⁾ Письмо къ ритору Евдоксію. Т. VI, стр. 243—5.

щійся источникъ“ восклицаетъ онъ и убѣдительно просить Ливанія не прерывать съ ними переписки. „Обрати и ко мнѣ источники словъ, льющіяся изъ устъ твоихъ“—пишетъ Василиій Ливанію ¹⁾. Съ другой стороны тотъ же Василиій иронически отзывается о словопрительствѣ риторовъ. „Языкъ твой—ритора—если не станетъ бесѣдовать со мною, то безъ сомнѣнія поведетъ рѣчь съ кѣмъ нибудь изъ находящихся при тебѣ; если же никого не будетъ, не преминетъ поговорить самъ съ собою; но ни подъ какимъ видомъ не умолкнетъ какъ языкъ софиста“ ²⁾. Онъ же замѣчаетъ о риторакъ, что они „выставляютъ слова на продажу, какъ медовары—пряники“ ³⁾. На блаж. Иеронима риторскія школы, въ которыхъ онъ учился, положили довольно тяжелое впечатлѣніе, которое сохранилось у него на всю жизнь. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ рассказываетъ о себѣ, какъ ему уже въ глубокой старости представлялось во снѣ, будто онъ въ изукрашенной прическѣ и въ тогѣ декламировалъ въ присутствіи учителя—ритора рѣчь своего сочиненія, и какъ пробудившись отъ сна, радъ бывалъ, что это сонъ, а не дѣйствительность ⁴⁾.

Какъ смотрѣть на классико-риторическое образованіе пастырей церкви? Было ли оно полезно для нихъ? Великія заслуги пастырей, получившихъ образованіе въ тогдашнихъ языческихъ школахъ для раскрытія и защищенія церковнаго ученія, для проповѣдничества и истолкованія Св. Писанія суть лучшія доказательства полезности подобнаго образованія. Но съ другой стороны нельзя не примѣчать, что пустая щеголеватость языка и напыщенность, отличавшія тогдашнія риторическія школы ⁵⁾, не оставались безъ вреднаго вліянія на духовное ораторское искусство пастырей, учившихся въ языческихъ школахъ ⁶⁾.

¹⁾ Творен. Василія велик., т. VII, стр. 322. 324. Изданіе 3-ье.

²⁾ Тамъ же, томъ VI, 55 (Письмо къ Леонтію Софисту). Риторъ и софистъ на языкъ того времени значило одно и то же.

³⁾ Тамъ же, томъ VII, стр. 320. (Письмо къ Ливанію).

⁴⁾ Апологія противъ Руфина, кн. I, гл. 30. Творенія его въ русск. перев. Т. V, стр. 37.

⁵⁾ Rauschen. D. Griechisch-römische Schulwesen, S. 75; и особенно подробно у проф. Пѣвницкаго, въ вышеуказанной статьѣ, стр. 16. 17 и др.

⁶⁾ Проф. Пѣвницкій касается и этого вопроса, но кажется, не договариваетъ до конца. (Тамъ же, стр. 52. 55. 58).

Разсмотрѣвъ способы, какими пастыри церкви приобрѣтали свое образованіе, обращаемся къ изученію дѣйствительнаго положенія дѣла, къ изученію того, каковы дѣйствительно были пастыри церкви IV-го и дальнѣйшихъ вѣковъ со стороны умственнаго развитія. Историческіе факты указываютъ, что рядомъ со свѣтлыми явленіями въ этомъ отношеніи встрѣчаются явленія печальнаго свойства; и это тѣмъ прискорбнѣе, что примѣры послѣдняго свойства далеко не исключительны. Подобное замѣчаніе имѣетъ свое значеніе даже и по отношенію къ блестящему по количеству и качеству образованныхъ лицъ въ древне-христіанскомъ духовенствѣ—четвертому вѣку.—Нужно ли перечислять знаменитѣйшихъ пастырей церкви IV вѣка, отличавшихся глубокимъ и серьезнымъ образованіемъ, составлявшихъ украшеніе и славу церкви? Имена ихъ всѣмъ извѣстны. Не даромъ же Григорія Богослова, по окончаніи его образованія въ Афинахъ, профессора и соученики упрасивали остаться въ этомъ святилищѣ наукъ и отдать свою дѣятельность просвѣщенію юношества. Не даромъ знаменитый языческій риторъ Ливаній, узнавъ, что питомецъ его Іоаннъ Златоустъ хочетъ посвятить свою дѣятельность христіанской церкви, сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ онъ, Ливаній, думалъ видѣть въ немъ преемника себѣ въ искусствѣ краснорѣчія и восклицалъ: „христіане отняли у насъ Іоанна“¹⁾. Не даромъ тотъ же Ливаній считалъ честью для себя переписку съ Василиемъ великимъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ отзывахъ касательно знаменитѣйшихъ церковныхъ учителей IV-го вѣка, какіе встрѣчаемъ въ древней христіанской литературѣ. Они, эти отзывы, истощаютъ всѣ хвалы ученымъ пастырямъ указаннаго вѣка²⁾. Но все это, говоримъ, одна сторона дѣла. Процентъ глубоко-ученыхъ и высоко-талантливыхъ пастырей былъ сравнительно невеликъ даже и въ IV вѣкѣ. Нѣкоторые пастыри того времени въ странномъ самообольщеніи ничего не хотѣли слышать ни о какихъ требованіяхъ касательно умственнаго развитія, какъ скоро имъ сообщена божественная сила въ рукоположеніи, которая по

1) Созомена, VIII, 2.

2) Укажемъ, напримѣръ, на отзывъ Григорія Богосл. о Василии Велик. Творен. т. IV, 63. 79. 123—125. 127.

ихъ разумѣнію должна была замѣнять естественную развитость ума, но конечно не замѣняла ¹⁾. Нѣкоторыя лица, совершенно непритовленные къ званію пастыря, непосредственно отъ разныхъ житейскихъ профессій, часто профессій самого низшаго сорта, переходили къ пастырскому служенію, и потому не обладали богословскимъ образованіемъ. Григорій Богословъ рисуетъ предъ нами самую печальную картину священническаго сословія, въ которое вступалъ всякій сбродъ. „Никто не останавливайся вдали (отъ священства)—говоритъ саркастически Григорій — земледѣлецъ ли, или плотникъ, или кожевникъ, или звѣроловъ, или кузнецъ,—никто не ищи себѣ другаго вождя т. е. пастыря надъ собой; лучше самому властвовать, т. е. священствовать, чѣмъ покаряться властвующему! Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоять плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда, всѣ тѣснитесь около божественной трапезы“ ²⁾. При другихъ случаяхъ Григорій говоритъ: „нѣкоторые приходятъ (къ пастырскому служенію) прямо отъ стола, на которомъ мѣняютъ деньги, иные сожженные солнцемъ—отъ плуга, иные отъ мотыки, за которой проводятъ цѣлый день, иные оставили корму корабельную и армію, и пахнутъ еще морской водой или покрыты рубцами, иные еще не очистили своей кожи отъ сажи трубочистовъ. Вчера еще ты былъ—говоритъ Григорій пастырю своего времени—въ театрѣ въ числѣ комедіантовъ, а что ты дѣлалъ послѣ театра, о томъ неприлично и говорить мнѣ, но теперь ты самъ представляешь совершенно новую комедію. Недавно ты былъ любителемъ лошадей и поднималъ пыль къ нему, какъ иной молитвы и благочестивыя мысли, а теперь ты такъ смирененъ и смотришь такъ стыдливо, хотя можетъ быть втайнѣ снова возвращаешься къ прежнимъ нравамъ. Вчера ты продавалъ какъ адвокатъ право, и толковалъ туда и сюда законы, а теперь сдѣлался судьей, вторымъ пророкомъ Даніиломъ. Вчера ты сидѣлъ въ судѣ съ обнаженнымъ мечемъ, и свою судейскую трибуну дѣлалъ законной разбойнической пещерой, вчера ты оправдывалъ на основаніи законовъ во-

¹⁾ Свидѣтельства въ этомъ родѣ (Григорія Богосл., Златоуста. Августина) собраны у Neander'a. Opus cit., S. 494.

²⁾ Твор. т. VI, стр. 78.

ровство и насиліе, а теперь какъ ты кротокъ и смирененъ. Трудно повѣрить, чтобы кто-нибудь такъ легко могъ перемѣнить свою одежду, какъ ты свой образъ жизни“ 1). Съ какими недостаточными знаніями нѣкоторые лица вступали въ пастырское служеніе, объ этомъ находимъ свидѣтельство у того же Григорія Богослова. Пастыри иногда не знали первыхъ элементовъ богословія. „У насъ, говоритъ Григорій, совершенно не уставлена граница между учить и учиться; это дѣло у насъ въ безпорядкѣ и затрудненіи, такъ что большая часть изъ насъ, (чтобы не сказать всѣ) прежде нежели оставлятъ дѣтскую школу и перестанутъ лепетать, прежде нежели вступаютъ на священную паперть, прежде нежели узнаютъ наименованія свящ. книгъ, и научатся разпознавать письмена и писателей ветхаго и новаго Завѣта, уже думаютъ быть учителями и руководителями душъ. Если только они затвердятъ два или три благочестивыхъ слова, (и то по наслышкѣ), если они только нѣсколько познакомились съ Давидомъ, или ловко умѣютъ набросить свою мантию и казаться по наружности философиями, то уже думаютъ, что все сдѣлали, чтобы владычествовать“; они какъ бы говорятъ: „мы уже мудры и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, желаемъ зваться отъ человѣкъ: „учитель“ 2). — „Врачемъ можетъ быть только тотъ,—говоритъ еще Григорій Богосл.—кто знаетъ свойства болѣзней, художникомъ можетъ быть только тотъ, кто сдѣлалъ многіе опыты въ составленіи красокъ и въ изображеніи видовъ, между тѣмъ духовнаго находятъ весьма легко, конечно не такого, который бы былъ хорошо приготовленъ, но скороспѣлаго, который въ одно время и посѣвается и созрѣваетъ, напоминая собою мнѣ о гигантахъ. Мы сразу создаемъ священниковъ и повелѣваемъ имъ быть мудрыми, хотя они не владѣютъ никакою мудростію и къ прохожденію духовной должности ничего не приносятъ съ собою, кромѣ доброй воли“ 3). Согласно съ Григоріемъ Богословомъ свидѣтельствуемъ о слишкомъ невысо-

1) Ullmann. Gregorius von Nazianz. S. 358—359.

2) Творен., т. I, стр. 46.

3) Надгробное слово Василию великому. Творенія Григорія, т. IV, стр. 82—83.

кой степени образованности духовенства IV-го вѣка и Златоустъ. Златоустъ, еще будучи въ Антиохіи и наблюдая надъ состояніемъ духовенства, находилъ мало отраднаго въ средѣ этого сословія въ умственномъ отношеніи. Онъ положительно жалуется на преобладаніе невѣжества въ классѣ духовныхъ. Златоустъ, по его словамъ, сначала очень удивлялся, что нѣкоторые недостойные люди вслѣдствіе пронырства, или ради почтенныхъ лѣтъ достигаютъ значительныхъ почестей, но потомъ пересталъ этому удивляться, когда увидаль, что и въ церковномъ обществѣ—то же самое, „такое же неразуміе“. „Берутъ въ священники какихъ-то невѣждъ (*ἀπλῶς ἀνθρώπους ἀγέλαιους*), скорбитъ онъ, и дѣлаютъ ихъ приставниками такого стяжанія, за которое заплатилъ собственною кровію Сынъ Божій“¹⁾.

Говоря такъ о состояніи образованности въ духовенствѣ IV-го вѣка, мы имѣли въ виду восточную церковь. Что касается запада, и тамъ было не лучше. Блаж. Иеронимъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые западные духовные въ концѣ IV-го вѣка считали невѣжество положительнымъ достоинствомъ. „Необразованные и простые священники считали себя святыми, потому что они ничего не знали“, замѣчаетъ Иеронимъ²⁾. На какой ступени умственнаго образованія стояли западные духовные того времени, это довольно ясно можно видѣть изъ тѣхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ они часто трудились, какъ надъ дѣломъ серьезнымъ. Напр.: „можно ли христіанамъ покупать и ѣсть плоды изъ огородовъ, принадлежащихъ языческимъ храмамъ? Имѣютъ ли какое понятіе о Богѣ утробные младенцы“³⁾? Или возьмемъ частный примѣръ. Нѣкто Филастріи еписк. Бресчанскій въ Италіи считался въ концѣ IV-го вѣка очень образованнымъ человѣкомъ, извѣстнымъ писателемъ. И однакожь можетъ ли его признавать такимъ даже самая снисходительная критика? Филастріи въ своемъ сочиненіи „о ересяхъ“ причисляетъ къ классу еретиковъ слѣдующихъ лицъ,—допускаю-

¹⁾ Слова о свящ., кн. III, гл. 15, стр. 429; Колоколова. Слова о свящ. Переводъ, стр. 90. Издан. 1-е.

²⁾ Письмо къ Непоціану. Творенія Иеронима въ русск. перев. Т. II, стр. 67. Изданіе Кіев. дух. акад.

³⁾ Augustini sancti. Epistolae 46, 143, 158. (Поспѣлова. О должностяхъ священно-служителей церкви Христовой. Предислов., стр. LIII).

щихъ движеніе земли, учившихъ, что будто нужно ходить босыми ногами, не принимающихъ пищу вмѣстѣ съ другими людьми, допускающихъ для звѣздъ и планетъ другія названія, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ книгѣ Іова ¹⁾. Такъ было въ IV вѣкѣ на востокѣ и западѣ, въ IV,—когда христіанское просвѣщеніе достигаетъ высокаго развитія. Что же было въ послѣдующіе вѣка? И того хуже.

Въ первой половинѣ V-го вѣка встрѣчаемся съ поразительными фактами невѣжества въ духовенствѣ. На III всел. соборѣ объявилось, что двое пастырей—одинъ пресвитеръ, а другой—хорепископъ, не умѣли писать, такъ что не могли даже на собственномъ прошеніи начертать буквъ своего имени и званія ²⁾. Въ такомъ же родѣ встрѣчаемъ факты въ дѣяніяхъ т. называемаго разбойничаго монофизитскаго собора 449 года. Когда слѣдовало подписаться подъ актами собора разбойничаго въ Ефесѣ, то двое епископовъ оказались не умѣющими писать, такъ что за нихъ расписались другіе. Такими епископами были: Илія адрианопольскій и Кайюма изъ Палестины ³⁾. Одинъ церковный историкъ древности свидѣтельствуетъ о Константинопольскомъ патріархѣ Геннадіи, что „онъ никого не рукополагалъ, кто не знаетъ писалтири“ ⁴⁾. Очевидно уже въ срединѣ V-го вѣка, когда жилъ этотъ патріархъ, считали священника достаточно образованнымъ, если онъ едва-едва отличался отъ человѣка совсѣмъ невѣжественнаго. Что касается дальнѣйшихъ вѣковъ въ исторіи древней церкви, то нужно большое напряженіе памяти, чтобы припомнить знаменитыхъ по своему образованію пастырей церкви: ихъ было очень немного и они, по своей ученой славѣ, едва возвышаются надъ посредственностію. Гораздо болѣе извѣстно, что пастыри этихъ вѣковъ были невысоки по своему образованію и даже просто невѣжественны. Уже въ VI вѣкѣ папа Григорій Великій сильно жалуется на упадокъ просвѣщенія среди духо-

¹⁾ Протоіер. А. М. Иванцова. Ереси первыхъ трехъ вѣковъ, стр. 333—334. М. 1877.

²⁾ Дѣянія всел. соборовъ въ русск. переводѣ. Томъ I, стр. 301—302. Казань, 1887. Изд. 2-е.

³⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. II, S. 369.

⁴⁾ Феодора Чтеца. Извлеченія изъ Церк. исторіи. Кн. I, гл. 15. По русскому переводу, стр. 510.

венства на западѣ. Григорій пишетъ: „никто въ мірѣ не беретя учить другихъ какому-либо искусству, не изучивъ его самъ напередъ, съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно поступаютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, *несколько* не приготовившись къ этому, между тѣмъ какъ управление душами есть искусство изъ искусствъ. Часто случается видѣть,—говоритъ папа—что вовсе незнакомые съ духовными правилами, не страшатся выдавать себя за врачей душъ, тогда какъ не знакомые съ медициною не смѣютъ выдавать себя за врачей тѣлесныхъ“ ¹⁾. Въ VII вѣкѣ на западѣ еще яснѣ слышатся сѣтованія на упадокъ образованія у духовныхъ лицъ. Соборъ Толедскій въ срединѣ VII вѣка (653 г.) направляетъ одно изъ своихъ правилъ противъ повального невѣжества духовенства ²⁾. Въ письмахъ съ запада на шестой вселенскій соборъ папа Агаѳонъ и римскій соборъ доводятъ до свѣдѣнія константинопольской церкви, что на западѣ вслѣдствіе варварскаго нашествія нельзя уже встрѣчать людей съ должными познаніями и что не стало людей отличающихся краснорѣчіемъ“ ³⁾. Въ какомъ положеніи было образованіе пастырей къ концу нашей эпохи на востокѣ, объ этомъ даютъ знать свидѣтельства правила собора Трульскаго и VII вселенскаго. Девятнадцатое Трульское правило, хотя и требуетъ отъ предстоятеля церкви, чтобы онъ поучалъ народъ въ храмахъ, но при этомъ соборъ не имѣетъ довѣрія къ собственнымъ разсужденіямъ пастырей, а рекомендуетъ имъ брать нужныя матеріи изъ готовыхъ источниковъ—изъ писаній отеческихъ. Почему? Потому что пастыри мало способны были на это—на самостоятельныя поученія. Соборъ замѣчаетъ: „сими (писаніями отцевъ) болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, при возможномъ недостаткѣ умѣнья“. Что касается до VII все-

1) Правило пастырское. Переводъ проф. Подгурскаго. Стр. 5. Кіевъ, 1873.

2) Hefele. Conciliengeschichte. В. III. S. 99. Freib. im Br., 1877.

3) Папа писалъ о своемъ духовенствѣ: „можно ли у людей, трудами ружь своихъ съ большими усиліями снискивающихъ себѣ насущный хлѣбъ, искать полнаго знанія Писаній? и „краснорѣчія нѣтъ у людей неученыхъ“. Дѣянія всел. соборовъ въ русск. пер. Т. VI, 34—35. Каз. 1882. Еще раяѣ папа Григорій I жаловался на недостатокъ въ книгахъ въ самомъ Римѣ. Franz. Aurelius Cassiodor, S. 76.

ленскаго собора, то насколько низко пало въ это время образованіе даже епископа, объ этомъ можно судить по тѣмъ слишкомъ скромнымъ требованіямъ, какія поставлялись какъ условіе для возведенія въ епископы. Второе правило этого собора требуетъ, чтобы поставляемый во епископы умѣлъ съ пониманіемъ, а не механически читать Евангеліе, Апостоль, св. Писаніе вообще, и церковныя правила. Не значитъ ли это, что отъ архипастырей въ это время требовалось только простая грамотность?

Если въ заключеніе очерка состоянія образованности въ классѣ духовенства, въ изучаемое время (отъ IV до IX-вѣка), захотимъ дать себѣ отчетъ о причинахъ печальнаго состоянія дѣла, то должны будемъ принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства:

Уже въ IV вѣкѣ въ средѣ духовенства встрѣчались люди, которые находили, что лицамъ духовнымъ излишне образованіе, что ихъ дѣло учить святости и быть благочестивыми, а это возможно и безъ науки (Иеронимъ, Златоустъ, Григорій Богосл. ¹⁾). Разумѣется, распространеніе такихъ воззрѣній не могло быть благоприятно для научныхъ стремленій въ классѣ духовенства. Далѣе:—Образованныхъ лицъ, если они искали духовной должности, не особенно поощряли, и бывали случаи, что ихъ за ихъ ученость просто-на-просто изгоняли изъ числа пастырей. Даже въ IV вѣкѣ встрѣчались факты подобнаго рода. Въ правилахъ помѣстнаго Сардикійскаго собора IV вѣка между прочимъ читаемъ: „надлежитъ со всею точностію наблюдать, чтобы человѣкъ ученый (*σχολαστικός*), если онъ удостоивается епископства, то не прежде поставлялся, развѣ когда послѣдовательно пройдетъ должности чтеца, діакона, пресвитера, оставаясь въ каждой изъ нихъ не мало времени“ (пр. 10). Очевидно, человѣку ученому не отдавалось никакого предпочтенія предъ самымъ простымъ.—И конечно, человѣкъ образованный, не желая подвергать себя непріятностямъ нисшаго церковнаго служенія, не шелъ въ духовное званіе. Этого мало. Нельзя было ожидать себѣ добра и въ томъ случаѣ, если образованный человѣкъ достигалъ епископства. За свою ученость онъ могъ быть даже выгнанъ со службы. Тотъ же соборъ Сар-

¹⁾ См. выше.

дикійскій разрѣшаетъ странный вопросъ: какъ поступать съ епископомъ, если онъ будетъ изгнанъ народомъ съ кафедръ за свои познанія (прав. 17); „за познанія“, то есть за ревностное изученіе божественныхъ догматовъ—толкуеть позднѣйшій церковный законовѣдъ, патріархъ Вальсамонъ ¹⁾. Если такіе факты встрѣчались, хотя бы и рѣдко, они должны были отваживать людей образованныхъ поступать въ клиръ.—Это главное. Но были и другія причины изучаемаго явленія, т. е. очень неблагоклоннаго отношенія духовенства къ наукѣ. Мы знаемъ, что въ церкви появилось стремленіе завести, такъ сказать, духовную цензуру, которая брала на себя обязанность опредѣлять, какія книги слѣдуетъ читать христіанину и въ частности духовному лицу и какія нѣтъ. Уже въ концѣ V-го вѣка на западѣ встрѣчаемъ соборъ, бывшій подъ предѣлательствомъ папы Геласія, составившій первый извѣстный исторіи *index librorum prohibitorum*, т. е. списокъ книгъ, запрещенныхъ для христіанскаго общества, слѣдовательно посягавшій на свободу богословской науки. Этотъ *index* составленъ частію подъ руководствомъ названнаго папы Геласія, частію пополненъ его преемникомъ папою Ормиздою. Замѣчательно, какія книги внесены въ этотъ *index*. На ряду съ книгами еретическими поставлены—сочиненія Тертулліана, Климента Александрійскаго, сочиненія Арновія, Лактанція, Кассіана, извѣстнаго писателя по аскетикѣ, даже произведенія Евсевія Кесарійскаго—историка; изъ сочиненій Оригена были разрѣшены для чтенія лишь тѣ сочиненія, какія не порицалъ блаж. Іеронимъ, а прочія отвергнуты и самое лице Оригена осуждено, наконецъ къ запрещеннымъ сочиненіямъ отнесены Правила апостольскія, книга Пастырѣ Эрма и др. ²⁾. Понятно, какъ подобныя запрещенія должны были вредно дѣйствовать на образованіе духовенства. Развивавшаяся подозрительность къ церковной литературѣ должна была дискредитировать въ глазахъ христіанскаго общества духовное просвѣщеніе къ явной выгодѣ для обскурантовъ въ средѣ духовенства.—Много способствовало упадку образо-

¹⁾ Правила помѣстн. соборовъ съ толкованіями, стр. 1246. Изд. Общ. Любит. дух. просвѣщенія.

²⁾ Hefele. В. II, 618, 620—622.

ванности въ духовенствѣ запрещеніе читать книги языческихъ классическихъ писателей. Такое запрещеніе слышится какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Такъ подвижникъ Ниль Синаитъ (на востокѣ) приказываетъ одному монаху очистить тотъ монастырь, гдѣ жилъ послѣдній, — отъ книгъ классической древности, объявляя, что книги эти „есть куча грязи“ ¹⁾. Тотъ же Ниль приказываетъ другому монаху отказать отъ составленія ораторскихъ рѣчей и отъ писанія стиховъ,—перваго требовалъ Ниль на томъ основаніи, что эллинская мудрость отклоняетъ де—отъ Христа, низвергаетъ на самое дно ада, а втораго—на томъ основаніи, что составленіе стиховъ будто бы дѣло безпримѣрное въ христіанской церкви ²⁾. Ниль жилъ въ началѣ V-го вѣка. Современникъ Нила св. Исидоръ Пелусіотъ развиваетъ тѣже мысли. Такъ онъ дѣлаетъ сильныя упреки одному монаху за то, что онъ занимался чтеніемъ языческихъ писателей. „Скажи мнѣ, писалъ Исидоръ, что предпочтительнаго у нихъ предъ тѣмъ, что есть у насъ? Не преисполнено ли ложнаго и смѣшнаго то, чѣмъ такъ усердно они занимались. Бѣгай чтенія постыднаго, чтобы врагъ не внесъ въ душу погибели страшнѣйшей и ужаснѣйшей прежняго нерадѣнія и невѣдѣнія“, какое было у язычниковъ ³⁾. На западѣ подобныя запрещенія повторялись часто, и безъ сомнѣнія оказывали свое дѣйствіе. Блаж. Иеронимъ рассказывалъ о себѣ, что ему однажды привидѣлся сонъ, будто онъ на страшномъ судѣ и будто грозный Судія осуждаетъ его за то, что онъ, Иеронимъ, читаетъ свѣтскія сочиненія. Это такъ устало Иеронима, что онъ, снилось ему, далъ слѣдующую клятву предъ престоломъ Всевышняго: Господи, если я когданибудь буду имѣть свѣтскія книги, если буду читать ихъ, значить, что я отрекся отъ Тебя“ ⁴⁾. Очень понятно, какой смыслъ имѣетъ рассказъ Иеронима объ его снѣ. На соборѣ Каррагенскомъ въ концѣ четвертаго вѣка прямо запрещено

¹⁾ Творенія св. Нила Синайскаго въ русск. переводѣ. Часть III, стр. 37. Изд. Моск. дух. академіи.

²⁾ Тамъ же, стр. 23—24.

³⁾ Казанскаго П. С. Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Часть II, стр. 245. М. 1856.

⁴⁾ Творенія его въ русск. переводѣ. Письмо къ Евстохія. Т. I, стр. 132. Кіевъ 1879. Слѣд. т. V, стр. 130.

епископу читать свѣтскія—языческія книги 1). Еще сильнѣе высказывается по этому поводу Григорій великій, папа. Узнавъ, что одинъ изъ епископовъ даетъ уроки по свѣтскимъ наукамъ, папа Григорій приходитъ въ негодованіе, совѣтуетъ ему оставить это занятіе на томъ основаніи, что одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру. „Ты самъ подумай — писалъ Григорій— какъ преступно и не прилично поступаютъ епископы, воспѣвающіе то, что не согласится воспѣвать даже свѣтскій набожный человѣкъ“. Григорій требуетъ отъ вышеуказаннаго епископа, чтобы онъ отказался отъ занятій, какъ онъ выражается, — „вздорными свѣтскими науками“ 2). Какое значеніе подобныя предписанія должны были имѣть для образованія пастыря — это ясно само собой. Богословская наука можетъ процвѣтать только при томъ условіи, когда она стоитъ въ связи съ лучшими проявленіями общей, свѣтской науки. Въ связи съ этой послѣдней она мельчаетъ и замыкается въ тѣсномъ кругу, на какой указываютъ ей элементарныя практическія потребности. Нѣтъ сомнѣнія, запрещеніе заниматься свѣтскими науками отразилось печально на умственномъ строѣ духовенства древней церкви.—Къ причинамъ, вызвавшимъ упадокъ образованности въ духовенствѣ, нужно причислить и общій упадокъ научныхъ стремленій 3), какой такъ наглядно выразился въ средніе вѣка, начавшись за много раньше.

А. Лебедевъ.

1) Hefele. В. II, S. 71.

2) Преображенскаго, Восточныя и западныя школы и т. д., стр. 306—307. И другіе западные епископы разсуждали подобнымъ же образомъ. Вотъ какихъ мыслей по вопросу о наукахъ держался въ VI в. Эннодій епископъ Тицинійскій (von Ticinium), самъ считавшійся человѣкомъ краснорѣчивымъ и поэтомъ. Онъ такъ писалъ къ одному поэту, по имени Аратору: „если хочешь выслушать мое мнѣніе, то знай, что самое имя свободныхъ искусствъ (наукъ), я презираю“; а свои поэтическія занятія именуешь „забвеніемъ своего Христіанскаго призванія“. Franz. Cassiodorius, S. 40.

3) Преображенскаго. Восточныя и западныя школы и т. д., стр. 331—334. Franz. Aurel. Cassiodorius, S. 19. 22.